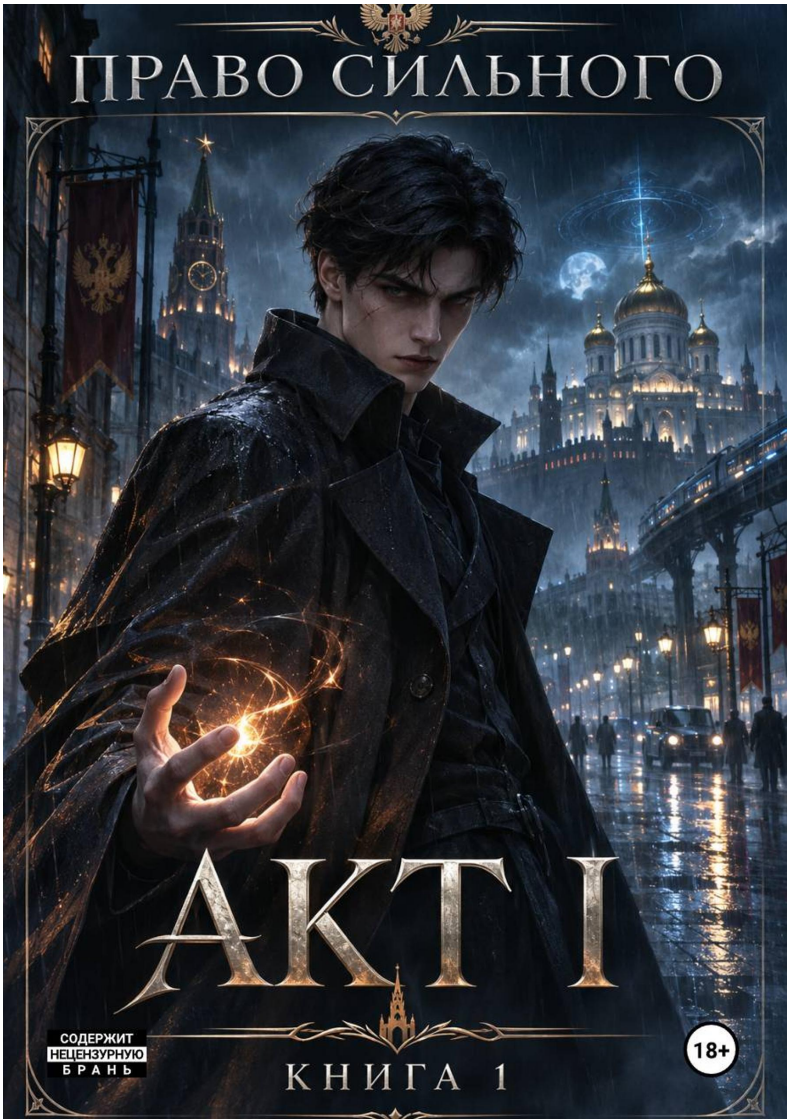
ПРАВО СИЛЬНОГО



АКТ I

КНИГА 1

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Михаил Капралов
Право сильного. АКТ 1

https://litres.ru/74982547
SelfPub; 2026

Аннотация

Павел Жуков, в прошлом наемный убийца без тормозов, погиб в одном мире и очнулся в другом — в теле семнадцатилетнего сироты Демьяна Ильина.

Здесь существует магия, Российской империей правят аристократические роды, а человеческая жизнь нередко стоит дешевле магического источника.

Но новые хозяева мира ещё не знают, с кем связались. За внешностью беспомощного подростка скрывается опытный и безжалостный профессионал, который не привык подчиняться.

Его цель проста: стать настолько сильным, чтобы больше никто не мог решать за него.

Михаил Капралов
Право сильного. АКТ 1

ПРАВО СИЛЬНОГО
АКТ I
Книга 1 в серии

Глава 1. Умереть можно. Подписывать — нет

Умер я по-глупому. Это, пожалуй, самое обидное. Не в перестрелке, не в чужом подвале, не от яда, который предусмотрительно подмешала бы очаровательная любовница, а на Ленинградском шоссе, под дождём, когда водитель грузовика решил, что поворотник — декоративная хрень, установленная для удорожания автомобиля. Помню белый борт фуры, визг тормозов и собственную последнюю мысль: «Вот ведь сука. Даже кофе не допил».

Следующее утро началось с запаха хлорки, варёного молока и той особенной тоски, которая неизменно сопровождает государственные учреждения. Над головой белел потолок с жёлтыми разводами; при известной фантазии в них угадывалась карта Африки, пережившей очередной передел колоний. Слева что-то равномерно пищало. Справа храпел человек, которого я пока не видел, но уже успел возненавидеть за выдающиеся вокальные способности.

Я открыл глаза, приподнялся на локтях и тут же пожалел

о проявленной инициативе. Сердце забилось как сумасшедшее, перед глазами поплыли чёрные круги, а тело отозвалось слабостью, словно предыдущий хозяин последние полгода питался исключительно надеждами на лучшее будущее.

— Чудненько, — прохрипел я. — Мало того что воскрес, так ещё и в экономкомплектации.

На стене висел календарь: двадцать седьмое марта две тысячи двадцать восьмого года. Ниже красовался двуглавый орёл под короной и надпись «Российская империя». Я посмотрел на календарь, потом на собственные руки. Костлявые пальцы, старые ссадины на костяшках, ни следа знакомого шрама у большого пальца. Руки были чужими. Судя по худым запястьям, их прежний владелец не слишком дружил с полноценным питанием.

Из памяти вдруг всплыло имя: Демьян Ильин, семнадцать лет, воспитанник Тверского императорского дома общественного призрения номер восемнадцать. До совершеннолетия девять дней. Ни родителей, ни денег, ни родовых связей. Прекрасный стартовый пакет. Разве что хронического сифилиса не хватало для окончательной комплектации.

В прежней жизни меня звали Павел Жуков. Тридцать восемь лет, Москва, собственная квартира, вполне приличный счёт и профессия, которую в документах называли консультированием по безопасности. Последние пятнадцать лет я решал чужие проблемы. Некоторые — переговорами, некоторые — деньгами, а наиболее упорные люди впоследствии

переставали испытывать какие-либо трудности. И вообще что-либо испытывать. Моя совесть по этому поводу давно взяла бессрочный отпуск без сохранения заработной платы.

Дверь скрипнула, и в палату вошла широкоплечая женщина лет пятидесяти с седыми короткими волосами. Она несла поднос, на котором стояли кружка и тарелка с чем-то, подозрительно напоминавшим овсяную кашу. На белом халате поблёскивал голубой значок медицинской службы. Воспоминания Демьяна услужливо подсказали: Фаина Борисовна, здешняя медсестра, бывший армейский фельдшер. Любит крепкий чай, ненавидит начальство и при необходимости умеет вернуть к жизни одним подзатыльником.

— Очнулся? — спросила она, ставя поднос на тумбочку. — Ну-ка, Ильин, посмотри на меня.

— С удовольствием. Правда, вы бы сначала представились, а то у меня в памяти некоторые затруднения.

— Ишь, заговорил! Голова болит?

— Вопреки ожиданиям, нет. Болит всё остальное. Вы уверены, что меня лечили, а не собирали по инструкции от стиральной машины?

Женщина потрогала мой лоб, проверила пульс, посветила в глаза маленьким прибором и только потом позволила себе улыбнуться. «Значит, жить будешь», — вынесла она приговор, после которого протянула кружку. Жидкость пахла кипячёными тряпками и какой-то травой. Я отпил из вежливости и понял, что смерть на шоссе была не самым страшным

событием вчерашнего дня.

— Фаина Борисовна, а чай у вас всегда такой или сегодня особый, праздничный выпуск?

— После пробуждения языком мелешь ещё лучше прежнего, — хмыкнула она. — Пей. Сердце вчера чуть не остановилось, а ты шутки шутишь.

— Вчера? Что произошло?

Улыбка исчезла. Женщина покосилась на дверь и сказала, что после планового обследования меня привезли без сознания. На несколько секунд полностью остановилось дыхание, а затем в груди будто что-то вспыхнуло. Приборы сошли с ума, медицинская магия не помогала, и только под утро состояние выровнялось. Подробностей Фаина Борисовна не знала — или не хотела рассказывать. В обоих случаях я предпочёл не настаивать. Напуганный человек куда легче ошибается, когда не чувствует давления.

Она ушла за дополнительными лекарствами, оставив меня один на один с кашей и новым миром. Я выбрал мир. За окном по мокрой улице проплыл городской автобус без колёс: днище висело над асфальтом на высоте ладони, из-под корпуса вырывалось голубое свечение, а на остановке огромный экран рекламировал «Магические накопители княжеского дома Берестовых. Энергия, которой доверяет Империя». Ниже мелко сообщалось, что первичная диагностика дара проводится бесплатно для всех сословий.

Ага. Если что-нибудь предлагают бесплатно, товаром

обычно являешься ты. В этом смысле Россия, даже императорская, нисколько не изменилась.

Я поднялся и подошёл к окну. За грудиной ощущалось странное тепло, словно туда положили раскалённый камешек. Стоило сосредоточиться, и оно откликнулось — не словами и не образами, а коротким упругим толчком. Я вспомнил из чужой памяти школьные занятия по основам магии: источник есть у каждого одарённого, но у большинства простолюдинов он настолько слаб, что не просыпается никогда. Маг может работать с огнём, водой, воздухом, землёй, металлом, молнией, светом, тьмой и множеством производных направлений, если сумеет выучить нужную технику. Разница между учениками не в запретных и разрешённых элементах, а в объёме силы, точности управления и способности удержать сложную форму.

Разумеется, изложено в памяти Демьяна всё было гораздо зануднее. Учитель с толстым носом полгода заставлял воспитанников переписывать определения, словно надеялся однажды забить чудовище учебником. А я вдруг понял, что стоит попробовать. В конце концов, если магия здесь действительно существует, неплохо бы до обеда выяснить, способен ли я хотя бы согреть воду.

Поднёс ладонь к кружке, представил маленькое пламя — не костёр, не драконий выдох, а огонёк над пальцами. За грудиной стало горячее, кожу кольнуло, и на кончике указательного пальца родилась крохотная оранжевая искра. Она про-

жила меньше секунды, но успела подпалить волосок на кисти. Запахло палёным.

— Во, блядь, — восхитился я. — Фокусник с перспективой на крематорий.

Вторая попытка оказалась интереснее. Вместо огня я представил холод: лёгкую морозную корочку на остатках чая. Жидкость подёрнулась инеем почти мгновенно, однако одна капля на краю кружки вдруг превратилась в прозрачную крупицу льда, настолько плотную и тяжёлую на вид, что показалась кусочком огранённого стекла. Я попробовал раздавить её ногтем. Безуспешно. Но и радоваться долго не пришлось: холод резанул изнутри грудную клетку, в висках застучало, а руки затряслись. Плотная крупица растаяла, оставив на пальцах обычную воду.

Я сел на кровать и выдохнул. От простейшего огонька почти ничего не случилось, а за каплю сверхпрочного льда пришлось заплатить так, будто я час таскал мешки с цементом. Значит, дело не только в стихии. Мой источник каким-то образом умел уплотнять то, что создавал. Не прибавлял силы из воздуха, не превращал меня в бога, а выжимал из крошечной порции энергии невероятную плотность. За это приходилось платить собственным запасом и, кажется, здоровьем.

Вполне меня устраивало. В прежней профессии один хороший инструмент ценился выше десяти плохих, особенно если его владелец понимал ограничения. А вот учиться придётся осторожно: второй раз умирать из-за желания проде-

монстрировать фокус я не собирался.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошёл невысокий мужчина в сером костюме, за которым следовали двое: здоровенный коротко стриженный охранник и молодой человек в тёмно-синей форме, с серебристой пластиной в руке. Мужчину я узнал сразу по чужим воспоминаниям. Фёдор Никитич Суханов, директор детского дома, искренне убеждённый, что родился исключительно для управления людьми, которые не могут ему возразить.

— Демьян, — произнёс он с лучезарной улыбкой, — рад видеть тебя в добром здравии.

— Взаимно, Фёдор Никитич. Вы прекрасно выглядите. Отпуск?

Улыбка чуть дрогнула. Молодой форменный отвёл глаза, а охранник посмотрел на меня так, словно я плюнул на портрет императора.

— Вижу, самочувствие значительно улучшилось. Тогда перейдём к делу. Вчерашнее обследование выявило у тебя позднее пробуждение источника. Ты должен понимать, какая это удача для безродного воспитанника.

— Понимаю. Я так счастлив, что сейчас расплачусь. Можно сначала поесть? Или счастье входит в лечебное голодание?

Директор проигнорировал вопрос и положил на тумбочку кожаную папку. Восемь страниц мелкого текста сообщали, что княжеский дом Берестовых готов оплатить моё обу-

чение, лечение и дальнейшую подготовку. Нужно было только согласиться на пятнадцатилетнее попечительство, полную передачу результатов магической диагностики и «временное распоряжение энергетическим ресурсом воспитанника в пределах технологической необходимости».

Удивительно талантливые люди. Я перечитал последний пункт, изучил два приложения и обнаружил, что пределы необходимости определяют исключительно сами Берестовы, а за вред здоровью ответственности практически не несут.

— Хороший договор, — сообщил я, закрывая папку. — Особенно понравилась часть, где вы получаете право высасывать из меня силу, а я должен радоваться прекрасной возможности. Душу оформим отдельным соглашением или она идёт подарком за досрочную подпись?

Суханов снял очки. Охранник сделал шаг вперёд, а молодой маг с интересом посмотрел на папку. Судя по всему, читать её он не удосужился. Впрочем, привычная история: специалисты любят работать инструментами, не задавая вопросов, откуда взялась деталь для их эксперимента.

— Ты не понимаешь, от чего отказываешься, — произнёс директор.

— Зато прекрасно понимаю, на что соглашаюсь. Укажите конкретную долю энергии, порядок расторжения, независимый контроль и личную ответственность за повреждение источника, тогда поговорим. А пока — нет.

— Слышь, щенок, — вмешался охранник, — следи за

языком.

Я посмотрел на его кобуру, на плохо скрытое желание подраться и на широкую стойку человека, который не понимает, что вес — это не магическая защита.

— А вы кто? Мы вроде не знакомились, а вы уже зовёте меня щенком. Очень интимное начало отношений, признаться.

— Господин Котов, — резко сказал директор, — не вмешивайтесь. Демьян, ты обязан подписать документы, поскольку вопрос согласован на соответствующем уровне.

— Обязан? — Я приподнял бровь. — Прекрасная формулировка. А какой именно закон обязывает сироту отдать свой источник на пятнадцать лет? Вы только номер статьи скажите, я сам найду.

Суханов перестал улыбаться. В нём на секунду проступил настоящий директор: раздражённый, мстительный, привыкший к чужому бессилию. Он посмотрел на молодого мага и коротко приказал начать повторную диагностику, не дожидаясь моего согласия.

— Андрей Сергеевич, — прочитал я имя на форменном нагрудном знаке, — а вы уверены, что участвуете в обследовании, а не в грабеже с применением магии?

— Я выполняю распоряжение комиссии, — ответил тот, поднимая серебряную пластину. — Процедура безопасна, если пациент не сопротивляется.

— Слышал это раньше. Обычно так говорят перед тем,

как пациенту становится очень некомфортно.

Пластина засветилась бледно-голубым. Воздух вокруг ладони мага задрожал, и я ощутил осторожное прикосновение чужой силы к своему источнику. Чужое заклинание ощущалось как чья-то ладонь, сунутая туда, куда её не приглашали: неприятно, бесцеремонно и откровенно нагло. Андрей проверял объём моего резерва, проводимость и стихии. Я даже мог определить отдельные пробы: короткий жар огня, упругость воздуха, тяжесть земли, прохладу воды. Каждая была слабой и понятной.

А потом меня начали опустошать.

Сначала едва заметно. Затем всё ощутимее. Тепло за грудиной уходило в прибор, а серебряная пластина наливалась непривычным тёмно-синим светом. Я почувствовал знакомый холод вчерашнего приступа и понял, что обследование — лишь красивая вывеска для устройства, которое вытягивает из живого человека энергию.

— Андрей, — спокойно сказал я, — если вы сейчас не остановитесь, произойдёт что-то неприятное.

— Не мешай. Измерение нестабильно.

— В этом я с вами полностью согласен. Особенно нестабильной скоро станет ваша карьера.

Маг усилил воздействие. Директор довольно выпрямился. Котов усмехнулся, предвкушая, видимо, момент, когда наглый сирота наконец заткнётся. Мне было не до него. Внутри груди непроизвольно сжалось то самое странное ядро, кото-

рое утром превратило каплю чая в невозможный лёд. Сила перестала растекаться по телу и собралась в маленькую тяжёлую точку.

Не знаю, откуда взялось понимание. Возможно, это была интуиция нового источника, возможно — остатки воспоминаний Демьяна. Я просто почувствовал, что в эту точку можно затянуть и чужое заклинание, как металл в плавильный тигель. Но сколько подобная затея выдержит — понятия не имел. Значит, пора было прекращать эксперимент.

Я позволил устройству вытянуть ещё немного энергии, затем резко сжал остаток резерва и выбросил его обратно. Не наружу, не в стену и не в присутствующих, а прямо в диагностическую пластину. Для обычной Искры получилась бы слабая вспышка; у меня же на долю секунды возникла невероятно плотная порция силы, которую артефакт попытался принять целиком.

Серебряный металл вздулся. Андрей выругался и дёрнул руку, но поздно: раздался сухой треск, в комнате запахло горелой медью, а взрывом его швырнуло к стене. Над тумбочкой вспыхнул огонь. Медицинский прибор умер с жалобным писком. Я почувствовал, как в груди будто разорвали тугую мышцу, и упал на локти, с трудом удержавшись от потери сознания.

— Ебать... — выдохнул я. — Походу, гарантия кончилась.

Котов выхватил пистолет. Очень зря. Я успел схватить металлическую кружку и метнул ему в лицо вместе с остатками

чая. Мужик вскрикнул, я бросился вперёд и, используя его собственную массу, врезал лицом в тумбочку. Пистолет выпал, я подхватил его и ударил охранника рукоятью в висок. Пришлось повозиться: подростковое тело оказалось слабее прежнего, зато Котов был настолько предсказуем, что жаловаться на недостаток сил не имело смысла.

Суханов стоял у двери, побледневший и внезапно переставший напоминать руководителя. Я направил оружие ему в живот. Не из жалости — просто в живот проще попасть, а стрелять с одной руки в этом теле не хотелось.

— Ну что, Фёдор Никитич, — сказал я, — предлагаю обсудить договор ещё раз. Только без медицинских экспериментов. А то у ваших специалистов техника безопасности как у пьяных обезьян с динамитом.

— Ты... ты представляешь, что натворил?!

— Прекрасно. И, кстати, у меня есть вопрос: почему после таких же обследований из детдома исчезли шестеро воспитанников?

Директор замер. Бледность усилилась. Я только собирался попросить его сесть и порадовать меня содержательным рассказом, когда в глубине здания что-то тяжело ухнуло. Пол дрогнул, над дверью лопнула лампа, а воздух наполнился запахом мокрого железа и гнилого мяса.

За дверью кто-то закричал.

Андрей приподнялся на локте и посмотрел на дымящийся артефакт. Впервые на его лице появилось настоящее вы-

ражение ужаса.

— Сердечник... — прошептал он. — Блядь, там был сердечник!

— Какой ещё сердечник?

— Аномальный. Стабилизированный. В диагностической схеме... Его нельзя перегружать!

Новый удар сотряс здание. Откуда-то из коридора донёсся визг, словно несколько сотен ножниц одновременно резали стекло. Андрей уставился на дверь, а я понял главное: в приборе стоял незаконно извлечённый из аномалии кристалл, и моё возражение против медицинской процедуры закончилось куда масштабнее, чем ожидалось.

— Замечательно, — сказал я, взводя затвор. — То есть вы не только воровали у сирот энергию, но и хранили у них под носом маленькую пространственную бомбу. Поздравляю. Премия Дарвина теперь выдаётся коллективу.

Директор рванул к выходу раньше, чем я успел его остановить. Открыл дверь — и встретился с существом, которое едва ли могло появиться в обычной тверской больнице. Размером с крупную собаку, шесть суставчатых лап, чёрный хитин и пасть из нескольких подвижных пластин. Глаз я не заметил, зато зубов хватило бы на три поколения стоматологов.

Тварь схватила Суханова за плечо и швырнула в противоположную стену. Он рухнул, оставляя на штукатурке кровавую полосу, и моментально потерял интерес к администра-

тивным вопросам. Существо повернулось ко мне.

Я выстрелил дважды. Пули ударили в панцирь, отскочили, выбив из стены крошку. Отлично: броня есть, гарантийного талона нет. В ответ тварь прыгнула, сминая больничную кровать так, словно та была сделана из мокрого картона. Я едва успел уйти в сторону, почувствовав, как острый край лапы распорол рукав.

Обычным оружием такую дрянь долго ковырять, а сил на серьёзную магию у меня почти не осталось. Зато на полу валялась кружка и разлитый чай. Я шагнул через мокрое пятно, на мгновение сосредоточился и собрал из воды короткий ледяной шип. Самая примитивная техника, о которой могли рассказать даже школьники, — за одним исключением. Внутри моего источника вода словно попала под чудовищный пресс. Тонкий шип стал почти чёрным, прозрачным по краям, и застывшая форма ощущалась настолько тяжёлой, что у меня свело пальцы.

Тварь бросилась повторно. Я не стал метать ледышку в панцирь, как это, вероятно, сделал бы любой начинающий маг. Вместо этого уклонился, дождался, пока существо выставит переднюю конечность, и всадил шип в мягкий сустав под хитиновой пластиной. Прошла одна короткая секунда. Раздался сухой хруст. Лапа подвернулась, тварь врезалась мордой в пол и начала биться, потеряв равновесие.

Силы закончились мгновенно. Лёд рассыпался, у меня пошла носом кровь, а перед глазами вспыхнули белые точки. Я

опустился на одно колено, успел сунуть пистолет в раскрывшуюся пасть существа и трижды нажал на спуск. На этот раз выстрелы сделали своё дело. Тварь перестала шевелиться, а я, тяжело дыша, отступил к стене.

— Титаническая, блядь, победа, — сообщил я покойнице. — Только без аплодисментов, а то у меня мигрень.

Андрей смотрел на мёртвого шипореза, как на результат неудачного экзамена. Я не стал выслушивать его впечатления и направился в коридор, прихватив пистолет. Там пахло дымом, кровью и кисловатой химией. На линолеуме тянулась широкая красная полоса, возле двери лежал санитар, а дальше, у поворота к лестнице, сидела Фаина Борисовна. Она прижимала ладонь к боку и смотрела на приближающуюся тварь с выражением человека, которому в конце тяжёлого рабочего дня решили предложить ещё одну смену.

— Ильин, назад! — крикнула она.

Я оценил расстояние до лестницы, глубину раны у женщины и положение существа. Уйти одному, вероятно, успел бы. Только Фаина Борисовна была единственным человеком в этом доме, который на протяжении многих лет не относился к Демьяну как к дешёвому инвентарю. А такие долги я предпочитал возвращать. Не из сострадания ко всему человечеству; исключительно из уважения к конкретным людям.

— Андрей! — рявкнул я. — Щит на неё, живо! И не вздумай сдохнуть раньше времени, мне ещё с тебя объяснение за чудесную диагностику спросить надо!

Молодой маг появился в дверях, вскинул руки и выставил полупрозрачную преграду из плотного воздуха. Обычная защитная техника Проводника. Меня удивило, как легко он переключился с испуга на работу: видимо, знания у человека всё-таки имелись, не хватало только здравого смысла при выборе работодателя.

Вторая тварь была крупнее и двигалась осторожнее. Её передние конечности походили на крючья, способные разрезать металл. Грудь раздувалась перед каждым прыжком, из щелей панциря выходил горячий пар. Я понял, что лёд здесь сыграет плохо: запас энергии почти пуст, а плотный шип я сегодня уже оплатил кровью. Поэтому решил использовать то, что было под рукой, в прямом смысле слова.

Воздух — простейшие воздушные толчки изучали на первой ступени. Сильного мага они не остановили бы, зато вполне могли сбить прицел. Мой источник вёл себя иначе: вместо широкой волны ему словно хотелось сжать воздух в маленький тяжёлый кулак, на миг сделав его плотным, как железный шар. Невероятно заманчивое ощущение. И, судя по боли за грудиной, невероятно дорогое.

— Давай, родной, — шепнул я самому себе. — Один раз. Не подведи, сука.

Я дождался, когда шипорез оттолкнётся от пола, и ударил сжатым воздухом не по голове, а чуть под передние лапы. Вспышка давления была короткой, но достаточно мощной, чтобы сломать прыжок. Тварь перевернулась, со всего маху

врезалась в металлическую стойку для капельниц и застряла между ней и стеной. Дальше вмешался Андрей: из его ладони сорвался узкий факел огня. Не эффектный смерч и не божественная кара, а крепкая, хорошо отработанная струя, которой он прожёг открытое брюхо твари.

Тварь забилась. Я подошёл вплотную и закончил дело оставшимися патронами. Пришлось целиться в мягкую часть пасти, потому что по панцирю стрелять было столь же разумно, как пытаться убить броневик зубочисткой. Существо захрипело и обмякло. Я проверил его ещё раз, автоматически и без лишних размышлений, затем опустил пистолет.

— Жить будет? — спросил я Андрея, кивнув на Фаину Борисовну.

— Если быстро остановить кровь. У меня есть лечебная техника, но резерв почти пуст.

— Значит, распределяй силы умнее. Я тебя сегодня уже один раз от смерти спас, бесплатно повторять не собираюсь.

Из соседнего помещения донёсся резкий гул. По стенам побежали тёмные пятна инея, в воздухе запахло грозой. Андрей побледнел и показал на лабораторную дверь: там, где после взрыва оказались остатки диагностического оборудования, между двумя шкафами появилась вертикальная чёрная трещина. Она медленно расширялась, будто кто-то изнутри пытался раздвинуть реальность руками.

— Прокол, — выдохнул маг. — Чёртов сердечник удер-

живает проход. Если он не погаснет, сюда пойдут новые твари.

— А выключить пробовали?

— Его надо разрушить! Но там защита четвёртого уровня. Мы не пробьём.

Я присмотрелся к светящемуся обломку на полу комнаты. Голубое сияние периодически вспыхивало внутри кристалла, и всякий раз пространство вокруг трещины вздрагивало. Нетрудно было догадаться: устройство работало на полную мощность, перегревалось и вот-вот разорвётся окончательно. Стеклянный корпус вокруг него потрескался, но сам сердечник оставался цел. Заклинанием первого уровня такую штуку не разрушить. По крайней мере, нормальным.

— Андрей, — сказал я, — насколько быстро можно нагреть внешнюю оболочку?

— Огонь почти не берёт. Это стабилизированная керамика.

— Не спрашивал, берёт или нет. Спрашиваю, насколько быстро.

Он уставился на меня, потом проследил за моим взглядом до разбитого водопровода под раковиной. Из трубы уже хлестала вода, покрывая плитку тонким слоем. Похоже, до мага дошло.

— Ты хочешь устроить температурный удар? Защита выдержит.

— Тогда пусть выдержит ещё и расширение льда. Только

грей снаружи, а не внутри. И без геройства: на тебе женщина и остальные выжившие.

Андрей не стал спорить. Удивительно, насколько быстро люди начинают ценить хорошие идеи, когда за спиной открывается проход в чужой мир. Он собрал остаток резерва и ударил по оболочке длинной струёй огня. Керамика раскалилась до жёлтого, но сердечник продолжал пульсировать. Я подождал, пока жар достигнет максимума, затем вытянул тонкий поток воды из лужи и направил его в глубокую трещину корпуса.

Для обычной Искры здесь пределом стала бы горсть инея. Я же снова заставил источник сжать результат в маленькую, неестественно плотную пробку. Она расширилась в разогретой щели с резким, почти оружейным хлопком. Керамика треснула. Ещё одна секунда — и внутри сердечника побежали белые трещины.

Прокол содрогнулся. Из темноты выдвинулась длинная костлявая лапа с четырьмя когтями, на мгновение пошарила по воздуху, словно проверяя устойчивость пола, и резко исчезла. Я едва успел отступить за угол, прежде чем кристалл раскололся на три части. В коридоре завыл ветер, запах гнили стал невыносимым, а затем всё оборвалось. Трещина схлопнулась с тихим щелчком, будто кто-то закрыл плохо подогнанную дверь.

Я опустился на пол, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. Магия за грудиной стала пустой, тяжёлой и неприятно

немой. В груди будто застрял кусок битого стекла, зато пространственная задница больше не пыталась забрать нас с собой.

— Скажите, — обратился я к Андрею, который сидел рядом и зажимал обожжённую ладонь, — у вас после каждого медицинского обследования такой аттракцион или сегодня особенно удачная смена?

Он рассмеялся, но смех вышел нервным. Фаина Борисовна протянула руку и схватила меня за воротник. Несмотря на рану, хватка оставалась впечатляющей.

— Ильин, — прошипела она, — если выживем, я тебе такую затрещину отвешу, что уши местами поменяются.

— За спасение персонала или за порчу государственного имущества?

— За то, что полез на эту дрянь, идиот!

Я пожал плечами, поморщился от боли и оставил вопрос открытым. В конце концов, спорить с женщиной, у которой прямо сейчас кровоточит бок, неспортивно. Не потому что она права, просто ответ может быть очень болезненным.

Через несколько минут на лестнице загремели тяжёлые ботинки, и под потолком прокатился усиленный магией голос: «Имперская служба аномального контроля! Всем оставаться на местах!». В коридор вышел седой полковник в чёрной броне, за ним — шестеро бойцов с оружием и магическими щитами. Вокруг командира воздух был ощутимо холоднее, чем в остальном помещении, а по полу под его сапо-

гами на секунду прошёл иней. Сила чувствовалась даже мне, едва способному сейчас зажечь искру.

Мужчина осмотрел тела шипорезов, разбитую лабораторию, раненых и наконец остановил взгляд на пистолете в моей руке.

— Оружие на пол, парень.

Я оценил расстояние, стойки бойцов и вероятность того, что в нынешнем состоянии сумею сделать хотя бы два шага. Результат не радовал. Стрелять в семерых из пустого пистолета было бы чрезвычайно символичным способом закончить новую биографию, поэтому я положил оружие и поднял руки.

— Демьян Ильин, — представился я. — Семнадцать лет, безродный сирота, потенциальный инвалид и крайне недовольный пациент. Если вы от службы защиты прав потребителей, пишите сразу на восемь страниц.

Полковник снял шлем. Под правой бровью у него виднелся старый шрам.

— Арсений Петрович Волков, Имперская служба аномального контроля. Это ты закрыл прокол?

— Смотря сколько за это платят.

Один из бойцов негромко кашлянул. Полковник смотрел на меня не мигая, а потом неожиданно усмехнулся.

— Найдём способ договориться. Для начала откуда здесь аномальный сердечник?

Я кивнул в сторону лаборатории и неподвижного дирек-

тора.

— Об этом лучше спрашивать у людей, которые хотели откачать мой источник. Только сначала проверьте, жив ли Фёдор Никитич. Мне ещё нужен от него подробный отчёт о кадровой политике детдома.

Волков коротко распорядился вызвать целителей, перекрыть здание и изъять оборудование. А когда медицинская группа увезла Фаину Борисовну, он вернулся ко мне и предложил пройти с ним. Приказа не прозвучало. Хорошо. Значит, человек умеет отличать свидетеля от задержанного и, возможно, достоин того, чтобы с ним разговаривать.

Я встал с трудом, но удержался на ногах. Покидать детдом было даже приятно, несмотря на раненое плечо, окровавленную рубашку и опустошённый источник. Здесь мне больше ничего не принадлежало, кроме старой куртки и нескольких воспоминаний чужого подростка. И честно говоря, этого было вполне достаточно.

На улице моросил дождь. За воротами стояли бронемашины, над крышей кружил небольшой беспилотник с голубыми магическими фонарями, а на противоположной стороне дороги собравшиеся зеваки снимали происходящее на телефоны. Мир выглядел современным, разумным и очень уютным — если не считать пробитых порталов и привычки богатых людей оформлять чужое рабство юридическими договорами.

— Полковник, — спросил я, садясь в служебный автомо-

биль, — у вас здесь после каждого несчастного случая устраивают такую экскурсию?

— Только когда семнадцатилетний сирота закрывает прокол, с которым не справился бы обычный Адепт.

— Значит, тур эксклюзивный. Обидно, что без кофе.

Волков захлопнул дверь и впервые за всё время рассмеялся. А я откинулся на мягкую кожу сиденья, прислушался к пустоте за грудиной и подумал, что новая жизнь начинается весьма удачно. В первый же день мне удалось выжить, обнаружить магию, послать нахер представителей богатейшего рода и выбраться из детдома. Осталось разобраться, почему мой источник не желает вести себя как положено нормальной Искре.

И желательно сделать это до следующего завтрака. Судя по здешним больницам, лучше не проверять, что у них подают на ужин.

Глава 2. Бесплатные услуги стоят дорого

Первое, что я понял об Имперской службе аномального контроля, — здесь прекрасно умели выполнять приказы. Второе — некоторые из этих приказов придумывали совершенно охуевшие люди. Молодой офицер, приставленный ко мне в качестве то ли охраны, то ли конвоира, уже двадцать минут отказывался приносить воду. По его словам, до завершения проверки мне ничего не положено. При этом дверь кабинета не запиралась, оружия у меня не было, а всё здание находилось под защитой, которую обычный маг первой

ступени не смог бы даже поцарапать. Но вода, видимо, представляла серьёзную угрозу государственности.

— Послушайте, поручик, — обратился я к офицеру, — вы случайно не читали мемуары средневековых инквизиторов? А то методы работы подозрительно знакомые. Сначала отказать в питье, потом потребовать признания, а после объявить, что обвиняемый сам попросил костёр.

— Сиди тихо, Ильин.

— Так я сижу. Даже не курю, хотя день явно располагает. Просто хочу понять, что мне здесь предъявляют: нападение на двух шипорезов или самовольное закрытие дырки в мироздании?

Поручик сжал губы. Видимо, чувство юмора ему при выпуске из училища не выдали. Зато выдали чувство собственной важности, причём в размерах, явно превышающих форменное обмундирование.

Дверь открылась, и вошёл полковник Волков в сопровождении высокой женщины лет тридцати пяти. Тёмные волосы были собраны в строгий пучок, серый костюм сидел безупречно, а выражение лица говорило, что она уже успела возненавидеть всех присутствующих, включая мебель. На лацкане поблёскивал герб Имперского магического реестра.

— Свободен, — приказал Волков поручику.

Тот немедленно вышел. Я проводил его сочувственным взглядом.

— Жаль. Мы только начали сближаться. Ещё немного, и

он признался бы, что скучает по маме.

Женщина посмотрела на меня, потом на полковника.

— Это он?

— Он самый. Инга Павловна Сорокина, старший государственный регистратор Центрального округа. Демьян Ильин, главная причина, по которой я сегодня не пообедал.

Я поднялся и учтиво склонил голову. Женщина чуть приподняла бровь, заметив правильный поклон, а я немедленно воспользовался произведённым впечатлением.

— Рад знакомству, Инга Павловна. Подскажите, в вашем ведомстве кофе существует или его тоже отнесли к запрещённым техникам?

Она сдержала улыбку и попросила принести кофе. Я мысленно поставил ей плюс. С людьми, способными решать проблемы без длинного обсуждения полномочий, работать всегда было приятно.

Волков сел напротив, достал из кармана планшет и повернул ко мне фотографию разнесённого медицинского блока. Вид сверху не радовал. Две комнаты были уничтожены, потолок коридора обвалился, стены исполосованы когтями, а там, где находилась лаборатория, зияла чёрная дыра от взорвавшегося оборудования. На соседнем снимке лежали два мёртвых шипореза. Их уже накрыли герметичными колпаками.

— Рассказывай, — предложил полковник.

— Про обслуживание в детдоме или про незаконную до-

бычу энергии из беспризорников? У меня по первому вопросу замечаний больше.

— Про то, как ты закрыл прокол.

Я поставил чашку. Кофе оказался восхитительным, и это значительно улучшило моё отношение к учреждению.

— Рассказываю. Ваши будущие подследственные подключили меня к прибору, который начал высасывать источник. Я возмутился. Прибор сломался. Из-за использования нестабильного аномального сердечника произошёл прокол. Из него вылезли твари, я их прикончил, после чего мы с Андреем Сергеевичем перегрели оболочку сердечника, охладили её и раскололи. Прокол закрылся, я остался без сил и с отвратительным настроением. Конец истории. Могу дать автограф на протоколе, если это ускорит завтрак.

Инга слушала очень внимательно. Когда речь зашла о плотном ледяном клине, она попросила повторить описание. Я рассказал: мало воды, короткая форма, невероятная прочность, мгновенная потеря сил. Про ощущения источника сообщил только то, что действительно мог объяснить. Раскрывать незнакомым людям все особенности собственного организма — привычка плохая, а при наличии магии ещё и дорогостоящая.

— Ильин, — спросила регистратор, — кто обучал тебя формированию уплотнённого льда?

— Никто. Я изобрёл технологию в результате плодотворного сотрудничества с местной системой здравоохранения.

— Такое невозможно для первой ступени.

— Жаль, — сказал я. — Тогда, видимо, придётся сообщить дохлой твари, что она умерла с нарушением инструкций.

Волков не улыбнулся. Он изучал моё лицо и явно пытался понять, насколько большой проблемой меня следует считать. Я в ответ разглядывал его часы. Дорогие, механические, с небольшим рубиновым сердечником под циферблатом. У человека есть вкус, и это уже неплохо.

Инга достала маленький серебристый цилиндр и положила его на стол. На верхушке едва заметно светилась голубая руна. Она пояснила, что измеритель автономный, сертифицированный и не способен вытягивать магию из пациента. В отличие от вчерашней дряни, здесь ничего не тянуло за грудиной, поэтому я согласился пройти обследование.

— Дотронься и последовательно представь четыре простейших проявления: огонь, воду, воздух, землю. Не создавай полноценные заклинания. Мне достаточно отклика.

Я коснулся цилиндра двумя пальцами. В груди слабо шевельнулось тепло. При мысли об огне верхняя руна вспыхнула оранжевым, затем сменилась голубой, серебряной и коричневато-зелёной. Мне не пришлось перестраивать источник или искать отдельную «жилу» для каждой стихии: менялось только представление о результате. Огонь должен был гореть, вода — течь, воздух — давить, камень — держать форму. Самое простое объяснение, которое только можно

придумать. Хотя, подозреваю, местные преподаватели потратили на него не одну сотню страниц учебников.

Цилиндр звякнул. На верхушке появилась цифра «1» и слово «Искра». Ниже мигнули четыре одинаково слабых знака. Инга нахмурилась, повторила проверку, затем посмотрела на Волкова.

— Чистая первая ступень. Резерв почти пуст после перенапряжения, но источник стабилен. Природного перекоса по стихиям не обнаружено.

— Это плохо? — спросил полковник.

— Не обязательно. Некоторые одарённые одинаково посредственны во всём. Другие развивают универсальность осознанно, когда получают образование.

Я приподнял чашку.

— Приятно узнать, что я талантливо посредственный. Это должно пойти в личное дело.

— Не шути, Демьян. — Она посмотрела на меня уже без раздражения. — Универсальность не означает всесилие. Любой маг теоретически способен освоить каждую стихию. Практически же большинство выбирает два-три направления, потому что техникам нужно учиться годами. Ранг определяет, какой объём силы ты удержишь и насколько сложную форму сумеешь закрепить. Тот же лёд: Искра создаст несколько сосулек, Проводник — целую очередь, Адепт сможет вырастить копьё или щит, а настоящий Мастер превратит воду в оружие, по прочности сравнимое с металлом. Тут

дело не в красивом названии заклинания. Плотность, форма, скорость и время существования стоят сил.

— А я, выходит, заплатил за Мастера собственными почками?

— Не смей повторять подобное без наблюдения, — отрезала она. — Источник мог разрушиться.

Не соврала. Боль в груди ещё не прошла. Я помолчал и мысленно отметил полезную информацию: любой маг работает с любой стихией, но качественно изменить свойства техники можно только с соответствующей ступени. Моё преимущество заключалось не в количестве маны, а в способности на короткое время нарушить привычное соотношение силы и плотности. Оставалось выяснить, насколько часто это допустимо и что произойдёт, если переусердствовать. Для начала стоило не пользоваться фокусом хотя бы пару дней.

На стене за спиной Инги висела схема семи ступеней. Учебная, без излишней торжественности. Искра — первый пробуждённый отклик, заметный по короткой вспышке в радужке. Проводник — второй уровень, позволяющий устойчиво вести заклинание, его работу выдают светящиеся точки у запястий. Адепт, третий, окружает себя видимым стихийным ореолом и придаёт элементам сложную форму. Мастер, четвёртый, способен уплотнять созданное и удерживать несколько техник сразу; при полной отдаче его силу отмечает знак под ногами. Магистр, пятый, воздействует на целое поле боя, так что воздух вокруг меняется ещё до закли-

нания. Архонт, шестой, заставляет окружающую среду подчиняться своему источнику — это чувствуют даже чужие маги. И, наконец, Венценосец, седьмой: рядом с таким человеком стихия откликается раньше, чем он успевает поднять руку. Последние встречались редко, зато имена их регулярно всплывали в международных соглашениях и списках природных катастроф.

— А тех, кто умеет скрывать признаки ранга, много? — спросил я так, словно интересовался погодой.

Инга усмехнулась.

— Всякий маг может приглушить свечение, если не слишком напрягается. Полностью скрыть собственный ранг от независимого измерителя невозможно. Разве что ты знаешь легенды про мастеров тайных школ, которым зачем-то надо гулять по городам под видом нищих.

Я кивнул. Отлично. Значит, не следует сейчас выяснять, почему во время вчерашнего боя мои глаза ни разу не вспыхнули, хотя техника с ледяным шипом почти выжгла источник. Может, кто-то не заметил. Может, особенность была связана с перегрузкой. И вообще не стоит злоупотреблять странностями, иначе исследователи быстро решат, что мой организм — общественное достояние.

Полковник положил на стол коричневую папку, изъятую у Суханова. Инга открыла её, прочитала несколько страниц и перестала улыбаться. К седьмой странице её губы сжались в тонкую линию. Так выглядит человек, который собирает-

ся собственноручно объяснить юристам разницу между договором и статьёй уголовного кодекса.

— Арсений, здесь незаконное отчуждение источника и ограничение прав несовершеннолетнего, — произнесла она. — При наличии принуждения — сразу несколько тяжёлых составов. Кто согласовал текст?

— Выясняем.

— А шестеро прошлых воспитанников?

Я поднял взгляд. Значит, информацию не забыли, и всё-таки не вся государственная служба состоит из тупых уставных болванов.

— Их уже ищут, — ответил Волков. — Но есть проблема. В детдоме обнаружили пять старых записей о передаче энергетических отпечатков. Шестого нет.

— Запись о чём? — спросил я.

— О процедуре отчуждения силы. Кто-то пытался использовать детей как расходный материал для работы с сердечниками. Технология нестабильная, незаконная и, судя по вчерашнему случаю, нихрена не безопасная.

— Очаровательно. Получается, за мои налоги тут финансируют детское учреждение, где из воспитанников делают батарейки.

— Твои налоги? — переспросила Инга.

— Фигурально выражаясь. До налогов у меня ещё восемь дней.

Волков посмотрел на меня очень внимательно. Я решил

сменить тему, пока он не начал интересоваться, почему семнадцатилетний сирота говорит как уставший руководитель службы собственной безопасности.

— Шестой мальчишка, который не оставил отпечатка... Можно список фамилий?

Полковник помедлил, но всё-таки повернул ко мне планшет. В шести строчках значились имена, даты и номера договоров. Четвёртой шла фамилия Егора Лаптева. Память Демьяна отозвалась сразу: нескладный парень, почти не разговаривающий с чужими, зато способный из сломанных часов, пружины и куска проволоки собрать рабочую музыкальную шкатулку. Егор заикался, когда волновался, и терпеть не мог шум. Исчез прошлой осенью после обещанного «перевода в специальную школу».

Накануне исчезновения Егора среди учебников Демьяна появилась маленькая жестяная коробка. Прежний хозяин тела решил, что её оставил Егор: тот любил механические головоломки, а расспросить его уже не успел. После вчерашней комиссии всё имущество должны были опечатать.

— Мне нужны личные вещи, — сказал я.

— Зачем? — спросил Волков.

— Хочу проверить одну вещь, связанную с Егором. Ничего незаконного. Пока.

— Что именно?

— Если сейчас расскажу, вы первыми побежите проверять. А я терпеть не могу спойлеры.

Он вздохнул, но приказ отдать вещи всё-таки подписал. Мне начинал нравиться этот полковник. Не как друг, разумеется: друзей по результатам одного допроса не заводят. Но в его служебной жестокости чувствовалась профессиональная логика, а это качество я уважал куда больше красивых слов о долге и чести.

Коробку доставили через сорок минут. Жесть была поцарапана, крышка держалась на маленьком механическом замке с тремя вращающимися колёсиками. Я повертел подарок в руках, вспомнил, как Егор однажды объяснял Демьяну принцип простых секреток, и нажал на неприметную заклёпку под краем. Внутри щёлкнуло. Колёсики оказались приманкой.

— Умный парень, — негромко сказал Волков.

— Очень, — согласился я. — Заикался, но думал быстрее многих разговорчивых идиотов. Знакомое сочетание, если честно.

Внутри лежала тонкая металлическая карточка, сложенная бумажка и плоский чёрный осколок, завёрнутый в плотную ткань. Бумага сохранила едва различимый запах машинного масла. На ней рукой Егора было написано: «Если за мной придут, не отдавай никому чёрный камень. Сухой мост, мастерская № 4, спроси Марину. Не верь людям с печатью». Ниже стояло несколько цифр.

Инга сразу заметила последнюю фразу. Волков попросил карточку для экспертизы. Я не спорил: чем больше специа-

листов будут искать пропавшего Егора, тем больше шансов получить полезный результат. А ещё я совершенно не собирался показывать им то, что лежало в ткани. Осколок в ладони был ледяным и одновременно отзывался странной тяжестью за грудиной. Мой источник, пустой после утренней бойни, на мгновение будто вспомнил знакомый вкус.

Необычно. И довольно опасно. Я завернул осколок обратно и убрал в карман, заметив только, что объект, возможно, относится к личным вещам Егора. Поднимать лишний шум из-за небольшой чёрной железяки было бы неразумно, особенно когда вокруг сидели государственные служащие, у которых на словосочетание «аномальный материал» немедленно возникал нездоровый служебный интерес.

— Сухой мост, — повторил Волков, разглядывая записку. — Плохой район.

— Судя по названию, мост хотя бы сухой. Уже преимущество перед остальным городом.

— Там промзона, старые мастерские, нелегальные склады. Несколько мелких банд, которые делят территорию. Ты туда не пойдёшь.

— Арсений Петрович, мне нравится, когда люди высказывают свои пожелания. Особенно вежливо. Но, пожалуй, с решением я не стану спешить.

Полковник посмотрел на меня почти ласково.

— Ильин, ты семнадцатилетний подросток с источником первого уровня и ранениями после прокола. Если сунуться

в промзону к бандитам, тебя разденут и продадут быстрее, чем успеешь открыть рот.

— А вот это уже оскорбительно. Я обычно рот открываю довольно быстро.

Инга фыркнула, но её взгляд оставался настороженным. Она явно понимала, что я слышу предупреждения, но не считаю их приказами. Впрочем, подобное отличие часто оказывается чрезвычайно полезным при общении с государством.

Потом состоялся разговор, который мне понравился куда меньше. Официально я больше не мог вернуться в детский дом: здание закрывали после прорыва, Суханов находился под следствием, а воспитанников распределяли в другие учреждения. Неофициально Берестовы уже прислали запрос на попечительство. Если бы не вмешательство ИСАК, меня отправили бы к ним в тот же вечер.

— У нас есть временный приют для свидетелей, — сообщила Инга. — До совершеннолетия ты поживёшь там, а потом сможешь самостоятельно выбирать место проживания. Государственная программа поможет с обучением, но немедленно принять тебя в академию нельзя.

— Почему? Я же всем понравился.

— В академию поступают по результатам испытаний. Ты поздно пробудился и не прошёл даже элементарную подготовку. Заявки принимают до июля, отбор проходит в августе, занятия начинаются первого сентября. Ближайшие пять

месяцев придётся готовиться.

Я кивнул. Отлично. Не собирался превращаться в героя тех дешёвых историй, где вчерашний сирота через двое суток оказывается среди лучших студентов, побеждает три рода и получает личный поклон императора за красивый профиль. Нормальная жизнь требует денег, знаний, ресурсов и свободных рук. Ни одного из этих преимуществ мне пока не доставалось.

— Подготовительные курсы платные? — уточнил я.

— Есть государственные квоты. При успешном экзамене расходы частично покрываются, но перед этим ты должен показать практический минимум.

— То есть до осени мне нужно заработать на собственную магическую грамотность.

— Можно сказать и так.

Я посмотрел на записку Егора. Сухой мост. Мастерская. Марина. Нелегальные склады. Опасная территория и потенциальные деньги. Государственные служащие увидели проблему. Я — возможность. Вопрос был лишь в том, насколько быстро получится разобраться, кому принадлежит местная помойка и какие товары там ходят из рук в руки.

✦ ✦ ✦

К вечеру мне выделили комнату в неприметном пансионе на окраине Твери. Охраны на двери не было, только электронный замок и сотрудник службы внизу, который периодически делал вид, будто читает новости. Обстановка оказа-

лась приличнее детдома: чистая кровать, душ, маленький холодильник, окно на парковку. Из недостатков — отсутствие денег и перспектива провести ближайшие месяцы в роли государственного иждивенца, которого в любой момент могут попытаться снова передать под родовое попечительство.

Я принял душ, переоделся в джинсы и толстовку, оставшиеся от Демьяна, и занялся запасами. В карманах обнаружились две сотни рублей, старенький телефон с разбитым уголком экрана и карточка общественного транспорта. Фаина Борисовна когда-то научила парня держать небольшой запас наличных в подкладке куртки, но даже этот стратегический резерв после проверки составил смешные восемьсот сорок рублей. На хорошую проститутку не хватит, на приличный ужин — с трудом, а на независимость — тем более.

Зато у меня были документы о пробуждении, пропуск временного свидетеля и записка Егора. Ещё была память Павла Жукова, полный комплект навыков, которые не принято включать в школьную программу, и источник, уже начавший медленно восстанавливаться. Неплохой набор, если не путать осторожность с трусостью.

Я развернул карту города. Сухой мост находился в старой промышленной зоне, за железной дорогой и пустырём. Несколько складов, частные мастерские, пункт приёма металла, две дешёвые забегаловки, автомобильный сервис и рынок, о котором отзывы в сети отличались особенной творческой грубостью. Там продавали всё: от аккумуляторов до

незарегистрированных артефактов. В новостях район регулярно всплывал в связи с драками и контрабандой аномальных материалов.

В одной из статей говорилось о Ладожском разломе. Огромная заражённая полоса территории, захватившая российское Приладожье и финские земли за границей, тянулась почти на триста километров, а некоторые её участки уходили вглубь на десятки километров. Вокруг стояли военные базы, крепости, противомонстровые заслоны и станции переработки трофеев. Оборону разлома обеспечивали две страны, которые каждый год спорили о квотах добычи, коридорах безопасности и том, кто обязан оплачивать восстановление укреплений после очередного прорыва. Фактически отдельная экономика с собственной дипломатией, армией и преступностью.

Статья была написана скучно, зато вывод получался прекрасный. Чудовища давали сердечники, кости, хитин и алхимическое сырьё. Большие компании контролировали добычу, родовые дома — лицензии и охрану, государство — границы аномальных территорий. А всё, что не укладывалось в официальные квоты, рано или поздно стекало на чёрные рынки. Там, где есть дефицит и запреты, всегда найдутся люди с чемоданами денег и весьма свободным отношением к уголовному кодексу.

Через два часа после ужина я покинул пансион. Сотрудник службы возле входа посмотрел в мою сторону, но оста-

навливать не стал. Официально я не был арестован и не давал подписку о невыезде; неофициально Волков надеялся, что я не стану делать глупостей до утра. Приятно, когда умные люди иногда ошибаются.

Сухой мост встретил меня запахом мокрого бетона, дизеля и дешёвого жареного мяса. Старый путепровод над железнодорожными путями облюбовали подростки и пьяные мужчины, которые смотрели на прохожих с одинаковым хищным интересом. По тротуару тарахтели грузовые платформы, возле придорожного кафе спорили водители, а в глубине переулка стоял полицейский автомобиль. Его экипаж деликатно не обращал внимания на разгрузку подозрительных коробок неподалёку.

Красота. Закон присутствует физически, но не участвует в процессе.

Мастерская номер четыре занимала часть старого кирпичного корпуса. Вывеска сообщала: «Ремонт часов, электроники и бытовых накопителей». Окно было закрыто решёткой, над входом висела камера, а за дверью приглушённо играло радио. Я постучал три раза и услышал женский голос:

— Закрыто.

— Мне нужна Марина. От Егора Лаптева.

Музыка оборвалась. Послышались шаги, щёлкнул замок, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели появилось лицо женщины лет тридцати. Короткие тёмные волосы, внимательные глаза и маленькая татуировка у запястья. На

ней был рабочий комбинезон с пятнами машинного масла. На правой щеке — едва заметный старый ожог.

— Егор умер? — спросила она без приветствия.

Я посмотрел на женщину внимательнее. Реакция оказалась слишком быстрой, чтобы считать вопрос обычным любопытством.

— Не знаю. Именно поэтому пришёл. Егор оставил коробку с запиской, в которой указан адрес вашей мастерской.

— Покажи.

— Сначала представьтесь. Не люблю обсуждать чужие тайны с дверными проёмами.

Она пару секунд молчала, потом неожиданно усмехнулась.

— Марина Власова. Если принесёшь мне неприятности, выставлю тебе счёт.

— Демьян Ильин. Если неприятности окажутся интересными, можем обсудить рассрочку.

Дверь открылась шире. Я вошёл, чувствуя тяжёлый запах нагретого металла, масла и озона. На верстаке стояли разобранные бытовые накопители, вокруг них были аккуратно разложены инструменты, а под столом гудел небольшой защитный артефакт. Марина закрыла дверь, повернула ключ и только тогда предложила мне сесть.

— Твой возраст?

— Семнадцать. В начале апреля исполнится восемнадцать. Не переживайте, я здесь не покупать сигареты.

— С Егором давно знаком?

— С детдома. Он перед исчезновением оставил мне вещь, которую никто не должен был видеть.

Власова протянула руку. Я положил на верстак сложенную бумажку, но чёрный осколок оставил в кармане. Женщина прочитала записку, выругалась вполголоса и надолго замолчала. Потом убрала волосы со лба, села напротив и посмотрела на меня уже без попыток притворяться обычной ремонтницей.

— Он всё-таки спрятал образец. Дурак. Я говорила ему выбросить эту дрянь.

— Что за образец?

— Скажем так, в обычных сердечниках энергия хранится естественно. В нём — словно что-то переделали. Силу можно выжимать из одного накопителя в другой, но никто в здравом уме не станет использовать для этого человеческий источник. А они нашли способ.

— Кто они?

— Я не называла никаких имён.

— Марина, — сказал я спокойно, — тогда не тратьте наше время. Я знаю, что шестеро воспитанников исчезли после обследований, и знаю, что вчера мне пытались устроить ту же процедуру. Прокол в детдоме уже разбирает ИСАК. Если вы меня сейчас выпроводите, я просто отдам вашу записку Волкову. Он мужчина настойчивый и на коротких беседах экономит редко.

Женщина помолчала, потом спросила:

— Ты шантажируешь меня?

— Пока нет. Просто сообщаю, какие варианты вижу. Деловое общение — основа цивилизованного общества.

Марина тихо рассмеялась. Не весело — скорее с удивлением.

— Ладно, сирота. Слушай. Егор работал у меня вечерами, помогал с мелкими накопителями. Потом однажды принёс необычный образец из детдома. Сказал, что комиссия просит его ремонтировать закрытые контейнеры. Он увидел внутри вещи, которые видеть не должен был, и испугался. Через неделю исчез. Его искали двое из «Скоб», местной шайки. Неделю назад они появились снова и стали спрашивать, не приносил ли Егор сюда чёрный камень.

— «Скобы» — это кто?

— Местная мелочь. Пять-шесть десятков человек, если считать всех водителей, барыг и должников. Контролируют склады, выбивают деньги с лавочников, перепродают лом из аномалий. Работают на более серьёзных людей, но сами об этом любят забывать. Главный у них — Гвоздь, по документам Николай Корнеев.

Я задумался. Итак, детдом, нелегальный энергетический образец, исчезнувшие воспитанники, мелкая банда и крупные покровители. Всё складывалось в вполне привычную картину. Только вместо наркотиков и оружия через серые склады гоняли вещи, которые могли открыть проход к зуба-

стым чудовищам. С учётом стоимости сердечников неудивительно, что кто-то решил экономить на безопасности и человеческих жизнях.

— Они к вам ещё придут? — спросил я.

— Уже приходили утром. Обещали вернуться вечером.

Я посмотрел на часы. Почти девять. Замечательно. Вечер уже наступил, а я всё ещё без денег.

— Тогда у меня предложение. Вы покажете мне, как здесь устроен рынок, и поможете продать легальный трофей, если такой появится. А я сделаю так, чтобы «Скобы» некоторое время занимались собственной организационной структурой вместо ваших коробочек.

Марина рассмеялась громче.

— Ты хоть представляешь, с кем собираешься связаться? У них два Проводника, оружие, люди в полиции.

— Представляю. И именно поэтому не собираюсь в одиночку объявлять им войну. Война — дорогое удовольствие, а я пока даже нормального кофе без государственной поддержки позволить себе не могу.

Она собиралась ответить, но с улицы донёсся шум двигателя. За воротами заскрипели тормоза, кто-то хлопнул автомобильной дверью, затем раздался тяжёлый стук в наружную дверь мастерской.

— Маринка! — заорал мужской голос. — Открывай, приехали за должком!

Женщина побледнела. Я поднялся, без спешки снял курт-

ку и положил её на стул. В прежнем теле такие ситуации заканчивались по-разному, но почти всегда начинались одинаково: несколько самодовольных мужиков приходили туда, где ожидали увидеть испуганного человека. Приятно нарушать чужие ожидания.

— Сколько их обычно ходит? — спросил я.

— Трое. Иногда четверо.

— Маги?

— Один. Проводник воздуха, кличка Бес. Остальные обычные.

Я кивнул. Против подготовленного мага второй ступени в нынешнем состоянии выходить в открытую — занятие для людей с очень короткой жизненной перспективой. Значит, не будем выходить. Сначала посмотрим, чего они хотят, а потом решим, насколько дорого будет стоить разговор.

— Откройте, — сказал я Марине. — Ведите себя обычно. Я пока просто покупатель, которому очень не повезло с выбором времени.

— Ты охренел? Они же тебя заметят.

— Именно на это и рассчитываю.

Она покачала головой, но пошла к двери. Я остался у верстака, внимательно рассматривая разобранный накопитель, как будто его ремонт интересовал меня больше всего на свете. На самом деле боковым зрением я видел проходы, тяжёлые инструменты, металлическую стойку, окно на задний двор и небольшую пожарную кнопку у двери. Оборудование

гудело тихо, но даже слабый резерв источника позволял уловить тепло двух работающих элементов: в правом углу стоял нагреватель, слева — охлаждающий шкаф с бытовым водным контуром. Вряд ли пригодится. Но пусть будет.

Вошли трое. Первый — лысый толстяк в кожаной куртке, от которого тянуло перегаром и дорогим одеколоном. Второй — высокий парень с длинным носом, в дешёвом спортивном костюме и с татуировкой на шее. Третий выглядел наиболее опасно: невысокий, жилистый, коротко стриженный, с пустым взглядом. От его ладоней исходило едва заметное магическое давление. Проводник, без сомнения.

Толстяк обвёл мастерскую взглядом и заметил меня.

— А это что за хрен?

— Покупатель, — ответила Марина. — Вы не вовремя.

— Покупатель подождёт. А ты, Маринка, деньги приготовила? Гвоздь не любит, когда ему недодают.

— Всё по договору оплачено до конца месяца.

— Договор теперь новый.

Я покрутил в руках маленький сломанный накопитель и не выдержал:

— Простите, господа, а у вас юристы все наёмные или кто-то из присутствующих лично умеет читать?

Толстяк медленно повернулся ко мне. Остальные замерли. Марина закрыла глаза с выражением женщины, которой только что привезли новый двигатель, а он оказался от старой стиральной машины.

— Ты кто такой, блядь?

— Клиент. Пока ещё платёжеспособный. Но если будете так долго обсуждать свои финансовые трудности, мне придётся попросить скидку за ожидание.

Толстяк усмехнулся, вытянул руку и ухватил меня за воротник. Такого знакомства я и добивался. Пока его друзья ожидали привычной сцены унижения подростка, я сместил вес, шагнул внутрь захвата и жёстко ударил основанием ладони в подбородок. Толстяк отшатнулся, потеряв равновесие, и рухнул на край верстака. Металлические детали загрохотали, он заорал, а я тут же понял, что новое тело даже после отдыха не особенно радует силой удара.

Длинноносый схватился за пистолет. Плохое решение. Я ударил его кисть тяжёлым металлическим зажимом, который секунду назад взял с верстака, и одновременно толкнул плечом в стеллаж. Раздался сухой хруст, оружие выпало, парень взвыл и попятился. Если бы я действовал в старом теле, всё закончилось бы быстрее. Зато нынешний противник оказался достаточно тупым, чтобы попытаться снова дотянуться до оружия одной здоровой рукой.

Проводник с кличкой Бес не стал ждать. Воздух резко ударил мне в грудь, словно в меня въехал невидимый мотоцикл. Я отлетел к шкафу, больно приложился спиной и едва успел спрятаться за металлическую стойку, прежде чем следующая воздушная волна разнесла коробки на верстаке. Хорошо обученный Проводник, мощный, но экономный: ис-

пользовал простые толчки, не расходуя резерв на красивые глупости.

— Лечь! — крикнул Бес Марине. — А ты, сучонок, руки показывай!

Я посмотрел на кровь, выступившую из рассечённой губы, и на дверь позади мага. Её он не контролировал, слишком уверенный, что загнал меня в угол. Из-под крышки охлаждающего шкафа сочилась вода. Крошечная лужица. Пять минут назад я счёл бы её совершенно бесполезной, но теперь видел единственное доступное преимущество.

— Бес, — сказал я, не высовываясь, — а ты в курсе, что у тебя друзья такие криворукие, что их даже на кладбище лучше везти раздельно? Один не туда смотрит, второй не туда стреляет.

— Выходи, ублюдок!

— Обязательно. Только сначала уточню, сколько у вас стоит медицинская страховка. А то по вашей роже видно, что работодатель экономит на всём, кроме дурных привычек.

Маг рассвирепел. Воздух снова ударил в стойку, согнув тонкий металл. Я на секунду прижал пальцы к лужице и представил не копьё, не ледяной молот и даже не шип, а крошечный плотный кусочек льда размером с горошину. Источник сопротивлялся: резерв восстановился лишь частично, грудь болезненно сжалась, а руку обдало морозом. И всё же плотная крупица появилась.

Необычное оружие. Для нормальной Искры — невозмож-

ное по прочности, для настоящего Мастера — смешное по размеру. Но мне больше пока не требовалось. Я дождался, пока Бес сделает шаг к стойке, и резко щёлкнул пальцами, одновременно толкнув льдинку слабым воздушным импульсом. Летела она недалеко и не особенно быстро. Зато попала туда, куда я целился: в выступающий сустав кисти, не прикрытый защитой, потому что маг держал правую руку вытянутой для очередного заклинания.

Бес вскрикнул. Его воздушный удар сорвался, врезался в потолок и осыпал нас штукатуркой. Я вышел из-за стойки, шагнул к нему и со всего размаха ударил стальным зажимом в висок. Он упал на колено, попытался поставить щит, но опоздал. Второй удар пришёлся в челюсть, третий — в затылок. Проводник рухнул лицом на пол и перестал сопротивляться. Я подождал секунду, проверяя дыхание, и быстро подобрал выпавший из кармана мага короткий нож.

За спиной щёлкнул затвор.

— Руки вверх, сука! — прохрипел толстяк.

Я обернулся. Он стоял возле двери, прижимая к животу пистолет, который успел подобрать длинноносый. Палец на спуске дрожал, но взгляд оставался вполне определённым. Толстяк собирался стрелять. Вероятно, даже не понимал, насколько уже опоздал.

— Знаешь, — сказал я спокойно, — самое неприятное в вашей профессии — отсутствие перспектив карьерного роста.

Он дёрнул стволом. Я шагнул в сторону за край шкафа, одновременно метнув нож. В прежнем теле бросок получился бы точнее. Здесь клинок попал толстяку в верхнюю часть плеча, а не туда, куда следовало. Этого хватило, чтобы он рефлекторно выстрелил мимо. Пуля выбила осколки из кирпичной кладки, а я уже был возле него. Короткое движение, удар по кисти, захват за затылок — и лицо толстяка встретилось с металлической рамой двери. После второго удара он осел на пол.

Я забрал пистолет и отступил, тяжело дыша. Сердце стучало, рука немела от холода, а перед глазами на секунду поплыло. Пришлось ухватиться за дверной косяк, чтобы не показать всем, насколько тяжело дался короткий бой. Маленькая плотная льдинка стоила мне почти всего восстановившегося резерва. Зато я победил опытного Проводника, не притворяясь более сильным магом. Хороший результат для первого дня активного знакомства с преступным миром.

Длинноносый вдруг дёрнулся к выходу. Я направил на него пистолет.

— Стоять.

Он застыл. Из сломанной кисти капала кровь.

— Слушай, пацан, я не хотел...

— А я и не спрашивал, чего ты хотел. Ключи от машины — на пол. Телефон туда же. А теперь рассказывай, на кого работает Гвоздь, кому сбывает аномальные сердечники и кто послал вас искать вещь Егора Лаптева.

Мужик уставился на меня. Последнее имя подействовало лучше любого удара. Он перевёл взгляд на Марину, потом снова на меня и попытался изобразить оскорблённую невинность. Неубедительно. Я присел на стул, демонстративно поставил пистолет на колено и улыбнулся.

— Можем сделать это приятной беседой. Можем перейти к очень неприятным для тебя вопросам. Разница исключительно в объёме времени, который я потрачу. Мне, если честно, домой ещё хочется.

Марина подошла ближе, но не вмешивалась. Толстяк тихо стонал возле двери; Бес лежал неподвижно, хотя дышал ровно. В мастерской пахло пылью, порохом и машинным маслом. С улицы донёсся сигнал автомобиля, кто-то рассмеялся, и жизнь района продолжалась с великолепным равнодушием к нашим проблемам.

Длинноносый сдался быстро. Гвоздь действительно собирал чёрные сердечники через несколько мастерских, переправлял их в Москву и получал указания от посредника по прозвищу Князь. Настоящего имени никто из рядовых не знал. Егор Лаптев фигурировал в разговоре месяц назад, когда неизвестный заказчик предложил большую сумму за пропавший образец. Директор детдома, судя по всему, не был организатором. Всего лишь продавал доступ к детям и надеялся на пожертвования.

— Чудесно, — произнёс я. — Схема ясная, даже неинтересная. Жаль только, что участники почему-то решили стро-

ить международную энергетику на детском саде.

Марина посмотрела на меня.

— Ты теперь вызовешь полицию?

Я покачал головой. Полиция уже знала, как выглядит этот район, но предпочитала смотреть в другую сторону. А если сдать троицу сейчас, Гвоздь получит предупреждение и успеет спрятать самое интересное. Нет, я хотел сначала выяснить, насколько глубоко уходит история с исчезнувшими воспитанниками и сколько на ней можно заработать.

— Марина, у вас есть верёвка, стяжки или что-то подобное?

— Есть упаковочные ремни.

— Отлично. Упакуем наших гостей в подарок работодателю. Только бантик не нужен, он не заслужил.

Толстяк застонал громче, словно почувствовал подвох. Я посмотрел на него без особого интереса. В данный момент он был полезнее живым: мог доставить сообщение, подтвердить мои слова и обеспечить встречу с Гвоздём. Не из гуманизма, конечно. Просто количество трупов напрямую влияло на сложность дальнейших переговоров, а сейчас я собирался экономить ресурсы.

Мы связали троицу, забрали оружие и телефоны. Бес начал приходить в себя, попытался сопротивляться, но после короткого разговора о положении его повреждённой кисти передумал. Я не стал устраивать представление. Достаточно было взгляда и упоминания, что следующая ошибка станет

последней. С опытными людьми подобные объяснения работают лучше дешёвых угроз.

— Передай Гвоздю, — сказал я длинноносому, — что завтра хочу обсудить работу. У него есть проблемы с конкуренцией, снабжением и кадрами. У меня — со средствами к существованию. Возможно, найдём точки соприкосновения.

— Он тебя убьёт, — прошептал парень.

— Тогда собеседование будет коротким. Но посоветуй ему сначала дослушать коммерческое предложение.

Когда гости ушли, Марина долго смотрела на меня, потом налила в маленькие чашки крепкого чёрного кофе. Руки у неё чуть дрожали. Сдерживалась женщина достойно, хотя в её мастерской только что устроили разгром, а трое местных бандитов получили весьма неприятный урок этикета.

— Ты понимаешь, что теперь Гвоздь не оставит тебя в покое? — спросила она.

— Прекрасно понимаю. Именно поэтому хочу встретиться с ним до того, как он отправит следующую бригаду. Экономия времени и патронов.

— Зачем тебе к нему? Ты же можешь обратиться к Волкову. Он сейчас с тебя пылинки сдувать будет.

Я посмотрел на неё и покачал головой.

— Сегодня он заинтересован во мне. Завтра получит приказ из столицы, а послезавтра решит, что ради государства лучше положить меня под стекло. Полковник умный, но служит Империи. А я, Марина, пока служу только себе.

— Тебе семнадцать, — напомнила она.

— Скоро восемнадцать. Кстати, если хотите устроить празднование совершеннолетия, я предпочитаю хороший алкоголь, приличный стол и минимум идиотов.

Она рассмеялась. Потом задумалась и неожиданно произнесла:

— Ты очень не похож на Демьяна, которого описывал Егор. Тот был шумный, дрался, но никогда не смотрел на людей так, как сейчас смотришь ты.

Внутри на мгновение стало холодно. Не из-за разоблачения: она ничего не могла знать о Павле Жукове. Просто я впервые всерьёз подумал о прежнем хозяине тела. Слабый, безродный мальчишка, которого едва не использовали как батарейку, исчез, а вместо него теперь сидел я. Ни объяснений, ни просьб, ни возможности узнать, что он сам собирался делать дальше. Странная несправедливость судьбы, но моральных терзаний она во мне не вызвала. Жизнь редко спрашивает согласия у тех, чью судьбу перекраивает.

— Люди меняются, — ответил я. — Особенно после плохого медицинского обслуживания.

Марина долго смотрела на меня, потом просто кивнула. Слишком умная, чтобы задавать бесполезные вопросы. Мне это нравилось.

✦ ✦ ✦

Домой я возвращался пешком, намеренно петляя между освещёнными улицами и тёмными дворами. Спину своди-

ло от удара воздушной волны, под курткой неприятно ныло плечо, а рука с обмороженными пальцами ещё не полностью слушалась. В кармане лежали два телефона, несколько тысяч рублей, найденных у бандитов, и маленький чёрный осколок Егора. Деньги были чужими. Теперь — моими. Не самый благородный способ пополнить бюджет, зато быстрый и вполне соответствующий местной коммерческой этике.

За углом шумела круглосуточная пекарня. Я купил горячую булочку с мясом, стакан кофе и впервые за день поел без ощущения, что меня сейчас попытаются разобрать на запчасти. Прекрасная мелочь. Человек должен уметь радоваться простым вещам: качественному хлебу, чистому белью и тому обстоятельству, что противники пока не знают, насколько он слаб на самом деле.

Телефон зазвонил, когда я уже подходил к пансиону. Номер был служебный. Я ответил.

— Ильин, — произнёс знакомый голос Волкова, — ты где?

— Гуляю. Знакомлюсь с городом, расширяю культурный кругозор.

— На Сухом мосту?

Я улыбнулся. Значит, слежка у полковника всё-таки работала. Не особенно хорошо, но работала.

— Вы мне льстите, Арсений Петрович. Там, говорят, опасный район, а я воспитанный мальчик. Мне завтра ещё в школу идти.

— Тебе сообщили, что около мастерской Власовой произошло вооружённое нападение?

— Ужас какой. Надеюсь, виновных поймают.

— Демьян, — устало сказал он, — только не заставляй меня заниматься твоим воспитанием. Ты мне нужен живым.

— Это взаимно. Вы мне тоже пока полезны.

Пауза затянулась. Потом полковник неожиданно рассмеялся.

— Завтра в девять у меня. Без опозданий. И не вздумай снова геройствовать. Прокурор уже требует объяснений по детдому, а Берестовы прислали адвокатов.

— У меня встречное предложение. Завтра в десять, за кофе. И больше не называйте моё поведение героизмом, это портит репутацию.

— В девять тридцать, Ильин.

— Договорились. Видите, как легко вести переговоры, когда никто не пытается тебя убить?

Он отключился. Я спрятал телефон и посмотрел на мокрую улицу. За дальними крышами мерцала красная реклама нового туристического маршрута к укреплённой границе Ладожского разлома. Огромная территория, тысячи военных, миллиарды рублей в ресурсах и десятки родов, которые готовы были резать друг другу глотки за дополнительный коридор добычи. А где-то между всеми этими интересами исчезали сироты, которых никто особенно не собирался искать.

Я не планировал становиться их спасителем. Мне были нужны деньги, знания, сила и ответы на собственные вопросы. Если для этого придётся пройти через пару мелких банд, выжать из них всё полезное, а затем избавиться от ставшего ненужным балласта, меня подобный маршрут вполне устраивал. В этой стране слишком многие считали, что принадлежность к роду или банде сама по себе даёт право распоряжаться чужой жизнью. Придётся постепенно объяснять им, что права надо ещё уметь защищать.

До августа оставалось несколько месяцев. В конце лета меня ждали вступительные испытания, а академия могла появиться в моей жизни только осенью — если я к тому времени вообще захочу туда идти. Для начала следовало наладить доход, купить нормальную одежду, восстановить источник и выяснить, что за хрень скрывается в чёрном осколке Егора. План вполне разумный. Пожалуй, даже слишком разумный для человека, который за последние два дня умудрился умереть, воскреснуть, закрыть аномальный прокол и подраться с тремя бандитами.

Я допил кофе и выбросил стакан в урну.

— Ну что, Павел, — пробормотал я, обращаясь к собственному прошлому, — поздравляю. Первый день в бизнесе. Выручка смешная, расходы на лечение запредельные, конкуренты — конченые мудаки. Зато рынок перспективный.

Позади тихо зашуршал дождь. Я поднял воротник и на-

правился к пансиону, уже представляя, какое лицо будет завтра у человека по прозвищу Гвоздь, когда он узнает, что встречу с ним назначил безродный семнадцатилетний пацан. Самое главное — не переигрывать. В этом теле самоуверенность могла убить меня куда быстрее любого мага.

Впрочем, и недооценивать меня не следовало. Я слишком давно знал, как заканчиваются истории, в которых сильный считает слабого расходным материалом. Обычно проблема была не в том, что слабый внезапно становился добрым героем. Проблема возникала, когда у слабого обнаруживались мозги, терпение и совершенно иной взгляд на допустимые методы ведения переговоров.

А с этим у меня всё было отлично.

Глава 3. Собеседование с Гвоздём

Утро встретило меня тремя неприятностями: болью в спине, пустым холодильником и сообщением от неизвестного номера, предлагавшим немедленно купить страховку от нападения аномальных существ. Рекламная служба Российской империи работала с поразительной оперативностью. Вчера я действительно столкнулся с чудовищем, а сегодня заботливые мошенники уже готовы были принять мои деньги. Если бы страховка включала компенсацию за попытку государственного учреждения разобрать клиента на магические запчасти, я бы даже задумался.

С кровати пришлось вставать медленно. Плечо ныло после удара воздушной волны, пальцы левой руки ещё плохо

слушались, а источник под грудиной ощущался выжатой губкой. Вчерашняя плотная льдинка, которой я пробил защиту бандитского Проводника, сожрала столько энергии, что обычный огонёк над ладонью сейчас получался размером с обиженного светлячка. Зато я хотя бы убедился: моя странность не делает меня сильнее по всем параметрам. Она позволяет коротким усилием создать вещь, до которой рядовому магу моей ступени ещё несколько лет учиться. Один чудовищно прочный шип — пожалуйста. Два — возможно, если после первого осталось чем дышать. Третий — прекрасная возможность выяснить, насколько красивы похороны безродных граждан.

Я умылся холодной водой, сделал лёгкую разминку и немедленно прекратил её, когда зашитое плечо отозвалось острой болью. Тело Демьяна не имело ничего общего с прежним. Там за моей спиной было пятнадцать лет ежедневной работы, здесь — семнадцать лет недоедания, несколько уличных драк и весьма посредственная физическая подготовка. Мышцы можно натренировать, сухожилия укрепить, рефлексы вернуть. Но быстро это не делается, и глупо требовать от подростка того, к чему взрослый организм привыкал десятилетиями.

В девять двадцать я вошёл в здание областного управления ИСАК. Дежурный взглянул на временный пропуск, потом на моё лицо и вздохнул так, словно перед ним явился постоянный посетитель венерологического диспансера.

— Опять вы, Ильин?

— А вы надеялись, что уже избавились? Не обижайтесь, я тоже на это рассчитывал.

На третий этаж меня проводили без вопросов. Волков сидел за широким столом, изучая документы на голографическом экране. В кабинете пахло кофе, табаком и свежей бумагой; за окном мокрый снег медленно превращался в дождь. Полковник выглядел так, словно последнюю ночь провёл не в постели, а внутри собственного служебного удостоверения.

— Девять двадцать семь, — заметил он, бросив взгляд на часы. — Рано.

— Хотел произвести впечатление. У меня впереди ещё целый день, чтобы его испортить.

— Уже испортил. Садись.

Я сел. На столе стояли две чашки; одна была пустой, вторая ждала меня, прикрытая блюдцем. Хороший знак. Значит, полковник не просто хотел устроить мне очередную лекцию, но и готов был терпеть моё присутствие дольше пяти минут.

— Вчера около мастерской Власовой произошла перестрелка, — начал он без вступления. — Трое пострадавших. Один с переломом кисти, второй с черепно-мозговой травмой, третий утверждает, что на него напал ледяной демон с пистолетом. Местная полиция пишет «конфликт хозяйствующих субъектов». Очень поэтичная формулировка.

— Полиция у вас талантливая. Умеет сокращать объём

делопроизводства.

— Демьян, я задаю вопросы не для того, чтобы ты упражнялся в остроумии. У Власовой был вооружённый налёт. Ты там находился?

— Находился. Люди пришли без приглашения, вели себя невежливо, повредили имущество хозяйки. Я помог им осознать важность соблюдения общественного порядка.

— Сломав руку?

— Не я писал методические пособия для правоохранительных органов.

Полковник медленно отпил кофе. Потом положил передо мной фотографию: Бес, тот самый Проводник, лежал на больничной койке с перебинтованной рукой и чрезвычайно несчастным выражением лица. На второй фотографии толстяк с распухшей челюстью пытался улыбнуться. Получалось отвратительно.

— У Беса обнаружили старый армейский накопитель, — продолжил Волков. — Запрещённый к гражданскому обороту. Он зарабатывал выбиванием долгов. Ты мог погибнуть.

— Мог. Но не погиб. Вижу, вас это удивляет.

— Меня удивляет, что ты бросаешься на людей, которые объективно сильнее тебя. Ты ещё не восстановился после прокола, а уже устроил драку с Проводником.

— Во-первых, на меня напали. Во-вторых, я не собирался встречаться с Бесом на дуэльной площадке. И в-третьих, если кто-то сильнее меня по магической ступени, это ещё не

делает его умнее. Судя по вашему лицу, вы прекрасно знаете несколько примеров.

Волков не улыбнулся, но уголок рта дёрнулся. Вместо ответа он придвинул планшет с другой фотографией. Старый грузовой фургон, снятый у ворот промзоны. На боковой двери — белая цифра семь, кое-как закрашенная серой краской. Я видел такую машину вчера, когда шёл к пансиону.

— Это транспорт Корнеева, — сказал полковник. — Он же Гвоздь. Вчера его люди получили от тебя приглашение на беседу. Ты собираешься туда идти?

— Да.

— Откажись.

— Нет.

Он откинулся на спинку кресла и некоторое время смотрел на меня. Наконец, медленно произнёс:

— Объясни, зачем тебе это нужно, и, возможно, я перестану считать тебя самоубийцей.

Я допил половину кофе. Мысль о том, что полковник хочет получить всю правду, была довольно забавной. Сам он тоже не собирался открывать мне все карты, иначе давно рассказал бы, почему компания Берестовых оказалась связана с незаконными сердечниками из детдома. Но разговор с умным человеком хорош уже тем, что можно обходиться без откровенного вранья.

— Мне нужны деньги, — сказал я. — Нормальные, а не подачки. Ещё нужны сведения о поставщиках нестабильных

сердечников, доступ к рынку и возможность подготовиться к августовским экзаменам. Корнеев работает с аномальными трофеями, его люди искали камень Егора Лаптева, а у Марины он пытается отнять мастерскую. Это делает его полезным собеседником.

— Полезным, — повторил Волков с таким выражением, словно пробовал слово на вкус. — Бандит, вымогатель, торговец контрабандой. Полезным.

— Я же не предлагаю назначить его министром культуры. Хотя на фоне некоторых министров он, возможно, будет смотреться достойно.

— С Корнеевым работают люди посерьёзнее него. Ты влезешь в чужую цепочку поставок, а потом однажды исчезнешь. Никто даже не поймёт, что случилось.

— Тогда предлагаю вам не терять меня из виду. И ещё, Арсений Петрович: я не собираюсь примыкать к банде из душевной потребности иметь семью. Если договоримся, Корнеев получит мои услуги. Если нет — я найду другой путь. У вас же полно честных бизнесменов, торгующих сердечниками без налогов.

Полковник провёл ладонью по лицу и достал из ящика папку. В ней лежали две фотографии, лист с перечнем изъятого имущества и краткая справка о Николае Корнееве. Сорок семь лет, бывший сапёр пограничных войск, участвовал в двух операциях у Ладожского разлома, списан после ранения. На снимке он выглядел крупным мужчиной с корот-

кой бородой, старым ожогом на правой щеке и металлическим протезом двух пальцев левой руки. Взгляд спокойный, но глаза неприятные. Пожалуй, такого нельзя было назвать обычным дворовым хулиганом.

— Корнеев понимает, что делает, — сказал Волков. — В отличие от большей части своей шайки. Именно поэтому он опасен. При этом формально доказать его участие в торговле заражёнными сердечниками пока не удаётся. Через него проходят мелкие партии, затем след теряется в Москве.

— Слышал. Посредник по прозвищу Князь.

Полковник поднял голову.

— Откуда?

— Из уст людей, которые ещё вчера думали, что смогут заработать на Марине. За сведения они расплатились охотно, хотя счёт им, кажется, не понравился.

Волков замолчал. Потом достал блокнот и написал несколько слов. Я не заглядывал, хотя очень хотелось. Хорошие отношения с государством лучше строить на взаимном уважении границ, особенно когда тебя могут закрыть в лаборатории под благовидным предлогом.

— Запомни одну вещь, Ильин, — сказал полковник. — Пока ты свидетель по делу о детдоме, я могу обеспечить тебе защиту. Если начнёшь участвовать в преступной деятельности, защита кончится. И моё терпение тоже.

— Учту. Заодно передайте вашим людям: если они будут следить за мной по двое в одном автомобиле и каждые два-

дцать минут покупать шаурму, я начну подозревать, что ведомство недофинансируют.

Волков прикрыл глаза.

— Уже заметил?

— Арсений Петрович, у машины с областными номерами вчера пять раз менялся водитель, но пассажир всю дорогу ел. Причём жевал с таким энтузиазмом, что я начал переживать за его здоровье. Попросите выделить ему премию на нормальный обед.

Теперь полковник рассмеялся. Недолго, но от души. Потом протянул мне карточку с номером телефона.

— Это не служебный номер. В случае серьёзной опасности звони. И, Демьян, не путай моё нежелание видеть ещё одного погибшего мальчишку с разрешением вести собственную войну.

— Разумеется. Война дорого стоит. У меня пока бюджет только на маленькую коммерческую операцию.

Когда я вышел из управления, часы показывали десять сорок. До встречи с Гвоздём оставалось больше шести часов, и тратить их на бесполезное ожидание я не собирался. В городе имелись магазины с учебниками, спортивный зал в пансионе и мастерская, владелица которой явно знала больше, чем успела рассказать. Начал я с учебников, поскольку в нынешнем положении способность удержать ещё один плотный шип зависела от грамотности не меньше, чем от сил.

Книжный магазин находился возле остановки. Продавец,

сухонький старичок с лицом бывшего учителя, предложил мне учебное пособие «Стихийная техника первого ранга» и сборник практических упражнений для поступающих. Оба издания вместе стоили шесть тысяч рублей. Я посмотрел на ценник, потом на продавца, затем снова на ценник. По нынешним меркам это означало примерно половину денег, которые я вчера извлёк из карманов невоспитанных гостей мастерской.

— А учебник в кожаном переплёте у вас случайно не идёт вместе с преподавателем? — поинтересовался я.

— Нет, молодой человек.

— Тогда цена подозрительная. Вы уверены, что в конце книги не спрятан рецепт бессмертия?

Старичок посоветовал не умничать и показал стойку с подержанными экземплярами. За две тысячи четыреста я получил всё необходимое и ещё тонкую брошюру о магической безопасности. На обложке человек с ужасом смотрел на собственную обгоревшую ладонь. Дизайнер явно предполагал, что это должно производить воспитательное впечатление. На меня произвело: напомнило, что экономить резерв полезнее, чем пальцы.

Вернувшись в пансион, я около часа читал. Основы оказались понятными. У любой техники было три составляющие: энергия, стихия и форма. Сначала выбираешь, что хочешь получить, затем удерживаешь форму достаточно долго, чтобы заклинание не рассыпалось, и только потом вклады-

ваешь силу. Новичку проще всего сделать искру, порыв ветра или слабую струйку воды. Проводник может продолжать воздействие и придавать ему движение, Адепт — создавать сложные фигуры, Мастер — уплотнять их так, чтобы лёд был твёрже стали, а воздух бил подобно тарану. Выше шли масштабы, от которых автор учебника, судя по восторженным интонациям, периодически забывал дышать.

Я пробовал огонь, воду и воздух, каждый раз по несколько секунд. На простую технику запас восстанавливался медленно, но уверенно. А вот когда попытался сделать плотный ледяной шарик, будто кто-то вогнал в грудную клетку раскалённую иглу. Пришлось немедленно прекратить. Даже без полёта в противника и без удара по преграде одна попытка едва не лишила меня сознания. Отлично, значит, запасной режим сегодня выключен. Если вечером начнётся заваруха, придётся пользоваться мозгами, ногами и чужими ошибками. Хорошо, что все три компонента при мне.

В три часа я позвонил Марине. Она ответила не сразу; на фоне звенел металл и работала шлифовальная машинка.

— Жива? — спросил я.

— Издеваешься?

— Забочусь. Если вы умрёте, мне придётся искать нового человека, который отличает настоящий сердечник от куска красиво раскрашенного стекла. Это хлопотно.

— Ильин, тебе кто-нибудь говорил, что ты редкостный засранец?

— Постоянно. Но ваше мнение для меня особенно дорого. Как мастерская?

— Половину утра убирала кровь с пола. Замок поменяла, стекло заказала. Приходили двое от Гвоздя, сказали, что на встречу он согласен. Шесть вечера, старая диспетчерская возле грузового двора. Одному.

— Замечательно. А почему вы разговариваете шёпотом?

Она помолчала. Потом тихо ответила:

— Потому что возле мастерской уже час стоит чужая машина.

Я посмотрел на часы.

— Если к вам зайдут, скажите, что я появлюсь вечером. И, Марина, не пытайтесь изображать героиню. У вас хороший станок, нормальные мозги и отвратительное чувство самосохранения. Два из трёх качества желательно сохранить.

— Ты тоже береги себя.

— Постараюсь. Мне ещё нужно узнать, за что вы берёте деньги при ремонте накопителей.

После разговора я проверил пистолет, изъятый у вчерашних гостей. Отдавать его полиции пока не планировал; оружие было чистым, номер на рамке стёрт, а вот патронов оставалось достаточно, чтобы не чувствовать себя совершенно голым. В отличие от магии, надёжное железо не требовало отдыха, хотя тоже имело ограничения. Затем я переоделся, натянул куртку и отправился к грузовому двору пешком. Дорога занимала почти сорок минут. На автобусе было бы быст-

рее, но мне хотелось осмотреть окрестности и понять, куда придётся уходить, если переговоры окажутся менее цивилизованными, чем хотелось бы.

Грузовой двор лежал за железнодорожной веткой и старой котельной. Низкие кирпичные строения чередовались с металлическими ангарами; всюду пахло мазутом, сыростью и горячим железом. На открытой площадке стояли две грузовые платформы, рядом с ними скучали мужчины в рабочих куртках. На первый взгляд обычные грузчики. На второй — у троих из них обувь была военная, а руки привычно держались ближе к поясу. Прекрасно. Подъезжать сюда в сопровождении полковничьих людей действительно было бы нехорошей идеей.

В диспетчерской горел свет. У двери курил мужчина с надписью «СТАЛЬТРАНС» на груди. Шрам на переносице, цепкий взгляд, невыразительное лицо. Он увидел меня и поднёс телефон к уху.

— Пришёл, — коротко сказал он кому-то. — Один.

Я поднял руку.

— Привет. У вас тут собеседования проводятся по записи или можно взять талончик?

Мужик выбросил окурок.

— Оружие.

— У тебя или у меня?

Он не улыбнулся. Я вздохнул, достал пистолет и положил на подоконник. Запасной нож оставил в заднем кармане; на-

блюдавший второй охранник заметил, но ничего не сказал. Вероятно, полагал, что нож в руке подростка не представляет опасности. Я не стал его разочаровывать заранее.

Внутри диспетчерской было тепло и на удивление чисто. За широким столом сидел Николай Корнеев. На фотографии он выглядел старше, а вживую — опаснее. Правую щёку стягивал старый ожог, два пальца левой руки заменяли матовые металлические протезы. Тёмный свитер, простые часы, аккуратно подстриженная борода. Никаких золотых цепей, перстней размером с противотанковую мину и прочего обязательного инвентаря уважающего себя бандита из плохого сериала. Профессионал. Или очень умело притворяется.

Слева от него стоял мужчина в кожаной жилетке с тонкими светлыми усами. При виде меня на его запястьях на секунду вспыхнули оранжевые точки. Проводник. Справа, возле шкафа с документами, спокойно курила темноволосая женщина лет тридцати в сером комбинезоне. Она не демонстрировала силу, но держалась так, словно могла в любую секунду утопить весь кабинет в бетонной смеси. Второй Проводник, предположил я.

— Демьян Ильин, — представился Корнеев, не вставая. — Знаменитый спаситель детдома. Присаживайся.

— Николай Семёнович, — ответил я с учтивым наклоном головы. — Спасибо за приглашение. Слышал, у вас здесь прекрасные перспективы карьерного роста. Особенно для людей, которые умеют считать.

— Считать? — Гвоздь хмыкнул. — Мои ребята говорят, ты умеешь ломать руки.

— Это уже высшая математика. Пока предлагаю начать с арифметики.

Мужчина в жилетке сделал шаг вперёд, но Корнеев едва заметно шевельнул ладонью. Тот остановился. В комнате повисла тишина, нарушаемая только звоном старого настенного вентилятора и далёким лязгом грузовых вагонов.

— Ты побил моих людей, — сказал Гвоздь. — Забрал деньги, оружие и назначил встречу. А теперь приходишь и разговариваешь так, будто мы старые товарищи. Ты либо очень смелый, либо последний идиот. Я ещё не решил.

— Я бы поставил на третий вариант. Ваши люди привезли в мастерскую Власовой угрозы, а получили непредвиденные расходы на лечение. Это проблема качества персонала. Я же пришёл предложить способ сократить такие расходы и увеличить прибыль.

— А если я сначала сломаю тебе шею?

— Тогда ваш финансовый консультант обойдётся дешевле, но прибыль тоже будет нулевая. Хотя, согласен, для демонстрации принципиальности вариант неплохой.

Корнеев смотрел на меня так, словно выбирал между смехом и убийством. Наконец положил на стол папку.

— Рассказывай.

Я не стал сразу переходить к сердечникам Егора и исчезнувшим детям. Они были слишком ценным товаром для пер-

вого разговора. Вместо этого попросил показать структуру грузовых поставок. Гвоздь рассмеялся и ответил, что свои бухгалтерские книги первому встречному не выдаёт. Я согласился, после чего спокойно назвал два склада и три машины, которые видел за последние сутки, включая фургон с закрашенной семёркой. Потом указал, что машины возвращались в район пустыми, но один из складов работал вдвое дольше остальных. Значит, либо транспорт планировали плохо, либо товара после разгрузки становилось неожиданно больше.

Женщина возле шкафа перестала курить. Мужчина с усами нахмурился. Гвоздь медленно откинулся на спинку кресла.

— Откуда знаешь про седьмой склад?

— Умею смотреть по сторонам. А ещё у вашего водителя на рабочем фургоне под краской хорошо виден старый номер. Если вы скрываете перевозку, не стоит экономить на маляре.

— Что предлагаешь?

— Прежде чем я предложу что-нибудь конкретное, покажите мне одну накладную. Любую, где есть расходные материалы. Без имён поставщиков. Мне не нужны ваши секреты, Николай Семёнович. Мне нужно понять, умеют ли ваши люди считать.

Гвоздь кивнул женщине. Та открыла шкаф, достала лист и положила передо мной. Я быстро пробежал глазами. Де-

вятнадцать транспортных коробок, сорок шесть килограммов панцирного сырья, три кристалла второго класса, семь тысяч рублей расхода на «обработку». Строка за строкой. Наивный документ, не бухгалтерия: цифры в нём были настолько округлые, что хотелось использовать бумагу как колесо для грузовой тележки.

— У вас на одном рейсе шесть тысяч рублей лишних расходов, — сказал я.

— Почему шесть?

— Потому что в журнале указаны девятнадцать коробок, а ставка на дезактивацию применяется к двадцати пяти. Либо шесть ящиков невидимые, либо кто-то очень любит получать деньги за воздух. И это только то, что видно на одной странице. Сколько таких накладных в месяц?

Гвоздь посмотрел на женщину. Та не изменилась в лице, но пепел с сигареты упал ей на сапог.

— Триста, — ответил Корнеев.

— Тогда, даже если половина оформлена правильно, вы ежемесячно теряете сумму, которой хватило бы купить приличную машину. Вместо этого платите за обслуживание невидимых коробок. Прямо магический бизнес, мечта начинающего предпринимателя.

Усатый мужчина резко шагнул ко мне.

— Ты, пацан, не лезь...

— Шпунт, сядь, — негромко сказал Гвоздь.

Тот застыл. Потом вернулся на место. Имя я запомнил.

Шпунт. Проводник, вспыльчив, склонен действовать быстрее, чем думать. Возможная проблема. Но пока не моя.

— Это всё? — спросил Корнеев.

— Нет. У вас два опасных груза смешаны в общей цепочке с обычным товаром. Нестабильные сердечники приходят через тот же склад, что и хитин на продажу. Если там произойдёт авария, соседние ангары выгорят раньше, чем вы успеете выговорить слово «страховка». Заодно исчезнут ваши документы, товар и часть сотрудников. Учитывая сегодняшние расценки на похороны, убыток выйдет впечатляющим.

Корнеев медленно повернулся к темноволосой женщине.

— Ирина?

— Седьмой склад, — сказала она. — Вчера опять грелся контейнер. Я приказала не вскрывать до приезда специалиста. Шпунт настаивал, что можно перегрузить ящики в ночь.

— Обычная партия, — огрызнулся усатый. — Нечего раздувать.

Я улыбнулся.

— А сколько она стоит, эта обычная партия? Чтобы потом было понятно, за какую сумму вы приобрели возможность поджарить собственных работников.

Гвоздь ударил пальцем по столу. Один раз. И этого хватило, чтобы все замолчали.

— Говори условия, Ильин.

— Я проверяю ваш учёт и нахожу потери. Если получится — получаю десятую часть подтверждённой экономии в те-

чение трёх месяцев. Если обнаружу крупную проблему, которую ваши люди пропустили, условия обсуждаем отдельно. Марину Власову ваши сотрудники больше не трогают, её мастерская получает оплату за работу, а не визиты с угрозами. И никаких клятв верности. Я не ваш человек, я подрядчик.

Шпунт коротко рассмеялся.

— Слышал, шеф? Нам условия ставит сирота.

— Слышал, — ответил Гвоздь и посмотрел на меня. — А почему я должен соглашаться?

— Не должны. Я могу пойти к конкурентам. У них тоже есть склады, деньги и идиоты в отделе снабжения. Только ваше предложение выгоднее: мы уже познакомились, а я предпочитаю работать с людьми, которые понимают, что вежливость иногда дешевле патронов.

Гвоздь встал. С его ростом и шириной плеч кабинет сразу стал теснее. Он обошёл стол и остановился в полутора шагах от меня. Магической силы я не почувствовал. Не одарённый? Или ранг скрывал? В любом случае человек выглядел так, словно привык побеждать без красивых искр из пальцев.

— А если ты начнёшь воровать у меня?

— Тогда вы получите неприятную задачу и решите её тем способом, который сочтёте разумным. Но, Николай Семёнович, я пришёл за процентом от экономии. Воровать у вас существующую недостачу было бы глупо, потому что именно за её устранение мне собираются платить.

Он неожиданно протянул руку. Я пожал её. Протез холод-

но коснулся кожи, оставив неприятное ощущение гладкого металла. Корнеев слегка усилил хватку. Я ответил ровно настолько, чтобы не выглядеть испуганным. Соревноваться в силе с человеком, который весил почти вдвое больше, было бы идиотизмом, а идиотизм я предпочитал наблюдать со стороны.

— Испытательный срок, — сказал он. — Неделя. Складская книга, один рейс, один проблемный груз. Деньги потом.

— И аванс на расходы. Пять тысяч. Иначе ваши транспортные накладные мне будет нечем записывать, кроме собственной крови.

Женщина у шкафа фыркнула. Гвоздь рассмеялся, снял с полки конверт и отсчитал деньги.

— Три тысячи. Остальное заработаешь.

— Договорились. Первый разумный компромисс за сегодня.

Когда я уже собирался уходить, Ирина тихо произнесла:

— Николай Семёнович, контейнер с седьмого склада надо осмотреть сейчас. Он опять нагрелся. Внутри что-то стучит.

Шпунт закатил глаза. Гвоздь нахмурился. А я вспомнил чёрный осколок Егора, лежавший в кармане и время от времени холодивший ткань куртки.

— Стучит? — уточнил я.

— Да. Будто кто-то бьётся изнутри.

Я посмотрел на Иринины руки. На запястьях сейчас не светилось ничего, но по тому, как уверенно она говорила о

температуре контейнера, было ясно, что женщина привыкла к работе с опасным грузом.

— И сколько он так стучит?

— Со вчерашнего вечера.

— А вы всё ещё ждёте специалиста? — Я покачал головой. — Николай Семёнович, у вас бизнес построен на принципе «если не взорвалось до обеда, значит, можно подождать ужина»?

— Поедешь с нами, — сказал Гвоздь.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Я посмотрел на часы. Половина седьмого. Источник после утренних упражнений восстановился едва ли на треть, плечо болело, а ужин в пансионе наверняка уже остыл. Честно говоря, всё происходящее напоминало очередное медицинское обследование, только без красивых бумажек.

— Хорошо, — сказал я. — Но если там из ящика вылезет какая-нибудь херня с зубами, предупреждаю сразу: премия за вредность обсуждается отдельно.

Ирина наконец улыбнулась. У Гвоздя улыбка исчезла. Только Шпунт продолжал самодовольно крутить на пальце зажигалку, не понимая, что самая опасная вещь в этой комнате сейчас, возможно, вовсе не подросток, который подписал себе ещё одно сомнительное коммерческое приключение.

Самой опасной вещью был груз, который его начальник

ещё вчера счёл обычным.

Глава 4. Груз без обратного адреса

Седьмой склад встретил нас стуком изнутри металлического контейнера. Стук был негромкий, частый и совершенно не похожий на работу неисправного механизма: сначала два удара, потом пауза, затем ещё три. Будто человек проверял крышку гроба и пытался подобрать убедительный ритм, чтобы его наконец выпустили. На железной стенке выступали крупные капли влаги, а воздух вокруг пах влажной землёй и озоном, хотя ни одного дождевого облака над грузовым двором не наблюдалось.

— Его вчера привезли с восточной площадки, — сказала Ирина, когда мы остановились возле склада. — Сопроводительные документы нормальные, разрешение на перевозку есть. Но водитель сразу потребовал разгрузить товар без проверки. Мне не понравилось.

— Разрешение на перевозку выдано кем? — спросил я.

— Частным центром дезактивации «Северный ресурс». Московская регистрация, филиал в Карелии. Отправитель — подрядчик пограничной зоны Ладожского разлома.

Я оглядел площадку. Три складских ангара из старого кирпича, широкий двор, пара камер под козырьком, дизельный погрузчик и охранная будка. На стене висел пожарный щит с топором и красным ведром. Удобно. В случае аномального прорыва можно будет попытаться затопить чудовище песком из ведёрка, а потом написать в отчёте, что пер-

сонал сделал всё возможное.

— А товар какой? — уточнил я.

— По накладной — хитин и сердечники для переработки, — ответила Ирина. — Двенадцать ящиков первого класса. Но контейнер тяжёлый, как будто в нём все двадцать.

Шпунт громко хмыкнул и подбросил на ладони зажигалку.

— Может, просто весы барахлят? Делаете из мухи чудовище. Хватит уже трястись перед каждым ящиком, где есть немного магии.

— Я не трясусь, — ровно произнесла Ирина. — Я хочу пережить собственную смену. Для тебя, Шпунт, это, вероятно, недостижимый уровень профессионализма.

Мне женщина нравилась всё больше. Не в романтическом смысле — с этим я пока не спешил даже после смены биографии. Просто она была одним из редких людей, которые умели сохранять голову, когда вокруг начинают размахивать руками.

Гвоздь не стал участвовать в перепалке. Он достал ключи, отпер склад и первым шагнул внутрь. За ним вошли два охранника с карабинами, Ирина, Шпунт и я. В дальнем углу гудел старый вентилятор. На полу стояли паллеты с серыми ящиками, аккуратно промаркированными символами таможенного контроля. И только один контейнер отличался от остальных — узкий, длинный, серо-зелёный, с тремя металлическими замками и круглым магическим индикатором

у крышки.

Индикатор мигал жёлтым.

— Сколько времени мигает? — спросил я.

— Утром был зелёный, — сказала Ирина. — К четырём стал жёлтым.

— А сейчас?

Она взглянула на прибор.

— Сейчас почти красный.

Внутри снова ударило: два раза, потом три. Я прислушался. Стук был слишком правильным для случайных колебаний, но недостаточно правильным для человеческого сигнала. Что бы ни находилось внутри, оно явно не собиралось лежать спокойно. Из отверстия возле одного замка вырвался тонкий пар, осел на металле и превратился в белёсый иней.

— Нам нужен специалист хотя бы третьей ступени, — сказала Ирина. — Я могу удержать охлаждение, но не разберу защиту такого контейнера.

— А полковника позвать? — предложил я. — Он очень любит неожиданные гостиные с трупами. Особенно когда его заранее предупреждают.

Гвоздь повернулся ко мне.

— Нет.

— Какой обстоятельный ответ. Можно уточнить причину?

— После приезда ИСАК у нас опечатают весь двор, изымут товар и начнут искать лицензии. Половина людей оста-

нется без работы, другая половина — с уголовными делами. Мне это не нужно.

— А если контейнер лопнет, половина людей останется вообще без половины себя. Выбор действительно сложный, Николай Семёнович.

Он ничего не ответил. Я заметил, что его беспокоят не только возможные убытки. Шпунт стоял слишком близко к контейнеру и постоянно поглядывал на собственный телефон. Ирина, напротив, держалась поодаль. А один из охранников, худой парень с редкой бородкой, старательно избегал смотреть на дверь. Он ожидал неприятностей. Причём заранее.

— Покажите пломбу, — попросил я.

Ирина наклонилась к замку и посветила фонариком. Пломба выглядела целой. Однако на металлической скобе были две свежие царапины, а рядом с серийным номером виднелась капля красноватого герметика. Кто-то вскрывал или пытался вскрыть контейнер. Делал это торопливо. Либо не обладал подходящим инструментом.

— Здесь уже ковырялись, — сообщил я.

— Не было такого, — мгновенно ответил Шпунт.

Я поднял голову.

— А я тебя и не спрашивал. Но спасибо, что вовремя сообщил, какую версию надо проверять первой.

Шпунт медленно сжал кулаки. На запястьях вспыхнули оранжевые точки, и от пальцев потянуло жаром. Проводник

огня, вполне уверенный в собственной силе. Смешно, насколько быстро человек с одним рабочим заклинанием начинает считать себя местным аналогом вулкана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.